

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 2 | № 3
Volume 2 |

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 2. № 3. 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 2. № 3. 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагић С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

EDITORIAL TEAM:

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

EDITORIAL BOARD

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

CONSULTING EDITORS:

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASJEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'Université de Picardie Jules Verne d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенский В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Филологического факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцкого университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHEVSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VEESA OTTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Антич Д., Коцич М. Взгляд на сербско-болгарские отношения 1914-1915 годов	4	Antić D., Kocić M. An overview of relations between Serbia and Bulgaria in 1914-1915	4
Комленич М., Миличевич Н., Цветанович И. Юмор: объяснение с помощью принципов S-R теории подкрепления	13	Komlenic M., Milicevic N., Cvetanovic I. An explanation of humour by the principles of the associative S-R theory of reinforcement	13
АРХИВ		ARCHIVE	
Московкин В. М. Очерки о творческой деятельности четырех директоров Белгородского учительского института	22	Moskovkin V. M. Essays about creative activities of four directors of Belgorod Teacher's Institute	22
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Лауфер К. М. Опыты по дидактике непрофильных общеобразовательных дисциплин	44	Laufer K. M. Essays on didactics of non-core comprehensive disciplines	44
Пенская Т. М. Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, Ф. Ницше и русская историческая наука второй половины XIX века	48	Penskaya T. M. Nikolai Strakhov, Nikolai Danilevsky, Fridrich Nietzsche and the Russian historical science in the second half of the 19 th century	48

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-4-12

Dejan D. Antić¹
Milena C. Kocić²

AN OVERVIEW OF RELATIONS BETWEEN SERBIA AND BULGARIA IN 1914-1915

- 1) University of Niš, Faculty of Philosophy, 2, Cirila i Metodija St., Nis, 18000, Serbia. E-mail: dejan.antic@filfak.ni.ac.rs
2) University of Niš, Faculty of Philosophy, 2, Cirila i Metodija St., Nis, 18000, Serbia. E-mail: milena.kocic@filfak.ni.ac.rs

Abstract

When the Second Balkan War broke out in 1913, the Kingdom of Serbia and the Kingdom of Bulgaria broke off diplomatic relations. Owing to the conflicting military and political interests, the former allies and partners became blatant enemies. The subject matter of this paper are some issues of the Serbian-Bulgarian relations after the Balkan Wars in 1912-1913, and especially after reestablishing diplomatic relations in January 1914, up to the autumn of 1915.

Special attention was paid to the attempts of the political leadership in Sofia to destabilize the security situation in the newly liberated parts of Serbia through negative propaganda, as well as the standpoint of the Kingdom of Bulgaria towards the Austro-German aggression on Serbia during the second half of 1914.

The paper also discusses the standpoint of official Sofia towards the Balkan policy of the Central Powers at the beginning of World War I, up to Bulgaria's accession to the block in September 1915.

Keywords: The Kingdom of Bulgaria; the Kingdom of Serbia; propaganda; newly liberated regions; war.

Антић Д.¹
Коцић М.²

ВЗГЛЯД НА СЕРБСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1914-1915 ГОДОВ

- 1) Университет в Нише, Философский факультет, ул. Кирилла и Мефодия, 2, 18000, Ниш, Республика Сербия.
E-mail: dejan.antic@filfak.ni.ac.rs
2) Университет в Нише, Философский факультет, ул. Кирилла и Мефодия, 2, 18000, Ниш, Республика Сербия.
E-mail: milena.kocic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация

С началом Второй балканской войны в 1913 году произошел разрыв дипломатических отношений между Королевством Сербии и Королевством Болгарии. Бывшие союзники и партнеры вследствие противоположных военных и политических интересов стали открытыми врагами. Предметом интереса настоящего исследования являются отдельные вопросы сербско-болгарских отношений после Балканских войн 1912-1913 гг., и особенно после возобновления дипломатических контактов в январе 1914 г., вплоть до осени 1915 года. Особое внимание уделяется попыткам правительства Софии путем пропаганды дестабилизировать спокойную обстановку в новоосвобожденных краях Сербии. Авторы анализируют отношение Королевства Болгарии к австро-германской агрессии против Сербии в течение второй половины 1914 года. Рассматривается также официальная позиция Софии по отношению к балканской политике Тройственного союза в начале Первой мировой войны вплоть до болгарского присоединения к этому блоку в сентябре 1915 года.

Ключевые слова: Королевство Болгария; Королевство Сербия; пропаганда; новоосвобожденные края; война.

Significant victories of the Serbian Army at Kumanovo, Bitola, Prilep and Bregalnica enabled Serbia to return the territories of Old Serbia and Macedonia under its state and legal jurisdiction after several centuries of slavery. Apart from its territorial expansion, success in the Balkan Wars contributed to the strengthening of the international reputation of Serbia, solidifying its role of the Balkan Piedmont which it had among the Slavic population under Austro-Hungarian occupation, and improving its position among the Balkan states. On the other hand, Bulgaria, which fought against Turkey alongside Serbia in the First Balkan War, emerged defeated from the Second Balkan War [4, p. 346]. It was left injured and deprived of its centuries-old aspiration to establish supremacy over Macedonia and Thrace, thus ending its “national unification”. The Bucharest Peace Agreement disabled further military actions towards the aforementioned territories, and Bulgaria’s conquest was reduced to the area of Pirin Macedonia and a smaller part of Thrace¹. The Bulgarian diplomacy had little space for maneuvers in 1913. All that remained was to keep a watchful eye on the political developments in Europe and wait for the right moment for revenge and rematch.

The diplomatic relations between Serbia and Bulgaria were broken off at the beginning of the Second Balkan War and were resumed in January 1914 with the reopening of the Serbian Legation in Sofia². The same month witnessed the first visit of the Serbian chargé d’affaires to the President of the Bulgarian Government. Serbia’s tendency was to normalize the relations with its neighbor while the government circles in Bulgaria still felt indignation and reservation. This kind of attitude of the Bulgarian government was enticed by a growing influence of the Dual Monarchy in Sofia³. Apart from diplomacy, the cooling relations between the two states in 1914 could be seen in other fields as well. The ruling political circles in Sofia did not try to conceal their open hatred towards Serbia. The Sofia press was at the forefront of efforts to promote intolerance, especially the editions titled *Dnevnik*, *Utro* and *Vecherna Poshta*. Resenting the defeat and losses

they suffered in the war, they showered the public with fabricated events, machinations and intrigues in order to create a negative image of the Serbs in Europe and cause unrest in Old Serbia and Macedonia. The pages of the cited Bulgarian newspapers were often full of news about the “atrocities of the Serbian soldiers and government”. In May 1914, they published a piece of news regarding the massacre of recruits from the newly liberated regions of the Kingdom of Serbia. The Serbian Ministry of Foreign Affairs was informed of this by its representative in Bulgaria, Čolak-Antić. His telegram to Belgrade stated that the Bulgarian press was spreading the news that whole companies of recruits from Macedonia were slaughtered in Ristovac⁴, Niš, and Kragujevac, which was followed by pretentious commentaries of these events. This kind of reporting was designed to jeopardize the reputation of the Serbian Army and compromise it. Right after the aforementioned newspaper accusations were published, the official Serbian institutions denied these claims by pointing out that no military units were stationed in Ristovac, while there had been no insurrections in Kragujevac and Niš⁵. The Belgrade press fiercely responded to the allegations of the Bulgarian newspapers. The introductory text of *Politika*, a Belgrade newspaper, revealed the hidden agenda of the Bulgarian newspapers which had been writing about the “decimation of Macedonian recruits in a garrison near Ristovac”⁶, without having sufficient information on the fact that no garrison existed in the aforementioned place.

Apart from political and press intrigues, there were direct acts aimed at endangering the security situation in the border areas. The Bulgarians made maximum efforts to cause riots and compromise the Serbian government structures in the newly liberated regions. The goal of creating new conflicts in the border areas was based on the expectations of the authorities in Sofia that the deterioration of the general state would lead to a foreign intervention in

¹ *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996 [The Contractual Relations in the Balkans 1876–1996]*, I, 1876–1918, editor: M. Stojković, Belgrade 1998, doc. No. 87, p. 179.

² *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 1, January 1/14 – April 30/May 13, 1914, editors: V. Dedijer, Ž. Anić, Belgrade, 1980, doc. No. 32, p. 151.

³ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 1, January 1/14 – April 30/May 13, 1914, doc. No. 41, p. 159.

⁴ Ristovac is a town in what is today the Pčinja District. After the Congress of Berlin in 1878, the demarcation line between Serbia and Turkey passed near Ristovac, and the place itself contained a border watchtower. After Old Serbia and Macedonia had been liberated, this place lost its strategic significance and it no longer contained larger military units.

⁵ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 1, January 1/14 – April 30/May 13, 1914, doc. No. 636, p. 793.

⁶ *Politika*, May 31, 1914, ed. 3727, 1.

Vardar Macedonia⁷ and the reopening the Macedonian issue [see: 19; 18].

Sofia's policy of hostility towards the Serbian people was not directed only towards Serbia. These political principles were directed towards Cetinje, the capital of another Serbian state. Bulgaria could not forgive Montenegro's fighting on Serbia's side in the Second Balkan War. This is why there was a cooling of diplomatic relations between Sofia and Cetinje, which led to the Bulgarian Government deciding to close its legation in Montenegro. The decision also meant that upon closing the diplomatic mission of their country, the Bulgarian people in this country would manage their affairs over the Austro-Hungarian Legation. As a commentary of this issue, the daily newspaper *Politika* published an article titled *The Bulgarians and Cetinje*, which stated the following: "The role of the former Bulgarian legation in Cetinje was and still is a matter of general knowledge. It was the main office of intrigues against Serbia and the place where the final brotherly coating was given to all the machinations and fabrications which were to create an abyss of hatred and distrust between Belgrade and Cetinje. Today, when such intriguing agitation became impossible, the Bulgarians, being practical people, saw it fit to liquidate this legation"⁸.

The political circumstances in Bulgaria did not unfold in favor of the Entente Powers. Large war failures, which cost Bulgaria 55 000 people and caused devastation to its national economy with damages exceeding two billion levs, caused an atmosphere of distrust towards the government of Stoyan Danev. In July 1913, Danev's government was deposed, which was followed by the forming of a coalition government of liberal parties. This was the moment when Vasil Radoslavov, the Bulgarian liberal, entered the political stage again [15, p. 291]. His election for the head of government caused the Bulgarian foreign policy to change its pro-Russian course and gain clear pro-Germanic characteristics⁹. The new orientation of the Bulgarian foreign policy could quite certainly be seen as Sofia's desire to revise the borders set by the Treaty of Bucharest. Since Serbia maintained friendly relations with the

Entente Powers, the expectations of the Bulgarian political leadership were that cooperating with Austria-Hungary and Germany would lead to the accomplishment of Bulgaria's expansionist goals [3, p. 15]. This was also backed by an open hostility of Vienna towards Belgrade and Cetinje [11, p. 187].

Even before the Assassination in Sarajevo, which served the Dual Monarchy as a pretext for war with Serbia, Bulgarian representatives negotiated joining the Central Powers. The Austro-Hungarian delegate in Sofia, Count Tarnowski, incessantly reported to Vienna that the Bulgarian Government insisted on creating ties between Bulgaria and the Monarchy. These requests by Sofia in late 1913 were not only a policy of its new government but also a policy of the Bulgarian state and its sovereign, who personally advocated creating strong relations with Vienna, thus implementing a vindictive plan towards Serbia [23, p. 80]. Since Austria-Hungary had Romania on its side, and Germany counted on the support of Greece, they were not able to completely fulfill the plans of the Bulgarians, but kept everything in the phase of negotiations with frequent delays. The goal of the Germanic policy was to form a new block in the Balkans that would contain, apart from Bulgaria, Romania, Turkey and Greece, which would completely eliminate Russian influence in the peninsula. In order to achieve the mentioned goal, Vienna and Berlin held Bulgaria on standby and waited for a suitable time to activate it [3, p. 19].

On St. Vitus Day, June 28, 1914, Archduke Franz Ferdinand, the heir to the throne of Austria-Hungary, was assassinated in Sarajevo [2, p. 172; 6, p. 685]. The assassination was performed by a Serb, Gavrilo Princip, a member of the political-revolutionary organization Young Bosnia [10, p. 17]. This event served as a pretext to the authorities in Vienna to declare war on Serbia, who was accused of initiating secret affairs directed against Austria-Hungary. It was stated that the ultimate goal of these affairs was the destruction of the state system of the Habsburg Monarchy [12, p. 5]. To be more precise, the reason for the declaration of war was Austria-Hungary's tendency to destroy Serbia and establish complete Germanic dominance in the Balkans.

The Bulgarian government wished for a war between the Dual Monarchy and Serbia. After St. Vitus Day in 1914, almost every Bulgarian newspaper wrote about the alleged direct involvement of official Belgrade in the assassination, without having any proof that was the case. The editorial of the 136th edition of the newspaper *Narodni Prava*, which was considered to be a body of the Government of the Kingdom of Bulgaria, demanded from all other states "to at long last

⁷ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 1, January 1/14 – April 30/May 13, 1914, doc. No. 641, pp. 796–797.

⁸ *Politika*, April 23, 1914, ed. 3691, 2.

⁹ *Vreme bezumlja: dokumenti o bugarskim zločinima u vranjskom kraju 1915-1918 [A Time of Insanity: The Documents on the Bulgarian Crimes in the Region of Vranje 1915–1918]*, ed.: A. Trajković, Belgrade, 1981, 11.

extinguish the hearth that is the source of sparks of eternal fires and that gives birth to ideas of incredible hideous offenses, such as the one that led to the death of Archduke Franz Ferdinand and Archduchess Hohenberg¹⁰. It is obvious that these were open accusations against Serbia and a call for a confrontation with it.

The Austro-Hungarian ultimatum and the declaration of hostility towards Serbia¹¹ woke the revanchist spirit within the Bulgarian political leadership. The majority of Bulgarian print media justified the “cruelty with which the Dual Monarchy made its decisive move¹² towards Serbia. King Ferdinand assessed that the ideal conditions were met to avenge the Bregalnica defeat and to realize the Great Bulgarian territorial aspirations towards the territory of Macedonia and parts of southeastern Serbia [3, p. 23]. He substantiated his beliefs by matching Bulgarian goals with the plans of Berlin and Vienna, which meant that after the Germanic soldiers would claim their victory against the Serbs, larger parts of southeastern Serbia should be handed to Sofia [11, pp. 313-315].

During the second half of 1914, negotiations between Vienna, Berlin and Sofia were going towards a positive conclusion. Bulgaria did not give up on its maximalist goals of territorial expansion at the expense of Greece, Turkey, and Serbia, but was aware of the consequences that this policy brought in 1913. Therefore, during negotiations, Bulgaria expressed its readiness for military action exclusively against Serbia. This is why it deemed necessary to ensure its rear towards Romania and Turkey, for which it expected assistance by the Central Powers. The demands that Radoslavov, the President of the Bulgarian Government, placed before the representatives of the Tripartite Pact meant that the Central Powers would guarantee the integrity of Bulgarian territory from all attacks by any state, and to enable Bulgaria’s territorial expansion towards the areas that Bulgaria has historic and ethnic rights to. These demands included the territory of Serbia that

Bulgaria had aspirations to during the period of the Russia-Turkey War [3, p. 23-24]. However, Bulgaria’s demands caused confusion and concerns of Romania and Greece, which had no interest in redrawing the borders determined by the peace agreement in 1913¹³.

Because Sofia and Bucharest had undefined relations characterized by mistrust, up to the end of July Vienna demanded that Bulgaria not openly join the Central Powers, although Germany and Austria-Hungary counted on its support in the final conflict. However, as soon as Turkey joined the Central Powers, Berlin insisted on concluding an agreement with Bulgaria. On August 9, 1914, following extensive diplomatic preparation, the German and Austro-Hungarian delegates in Sofia and Prime Minister Radoslavov agreed upon the texts of agreements between Austria and Bulgaria, and Germany and Bulgaria. They implied active military participation of Bulgaria against Serbia because Berlin considered that Bulgaria had to make some kind of contribution in order to earn the territorial expansion granted to it by the pact with the Central Powers. The contract clearly stated that Germany would support the territorial expansion of Bulgaria by annexing “the provinces to which it has historic and ethnic rights, and which are under the rule of those Balkan states that are not allies to the German Reich”. Despite the fact that the text of the pact was accepted by the Bulgarian Government on August 10, King Ferdinand did not agree with it. He demanded that Germany and Austria-Hungary guarantee Bulgaria’s territorial expansion towards the areas that were included in the Mürzsteg Reform in 1903¹⁴, and the annexation of areas which Greece received in the wars led in 1912/1913 if Greece joined the war on the side of the Entente. The third demand of Ferdinand was that the agreements needed to clearly specify which Balkan states were allies of the Central Powers. After these demands, the negotiations for signing a pact with Bulgaria were delayed for a certain period of time [3, pp. 31–35].

The postponement of negotiations was additionally encouraged by Serbian success in the front line. After the Serbian forces won in the Battle

¹⁰ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 2, May 1/14 – July 22/August 4, 1914, editors: V. Dedijer, Ž. Anić, Belgrade, 1980, doc. No. 310, pp. 441-442.

¹¹ *Srpsko-austrijski i evropski rat. Diplomatski i drugi dokumenti [Serbian-Austrian and European war: Diplomatic and Other Documents]*. Serbian diplomatic correspondence, Niš, 1914, doc. No. 32, pp. 35–40.

¹² *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 2, May 1/14 – July 22/August 4, 1914, doc. No. 640, pp. 713-714.

¹³ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 2, May 1/14 – July 22/August 4, 1914, doc. No. 678, p. 732.

¹⁴ The Mürzsteg Reform was planned within the agreement between Russia and Austria-Hungary in Mürzsteg on February 2, 1903 after the Ilinden Uprising was crushed, and it included the Kosovo, Bitola and Thessaloniki vilayets. See: [1, p. 326].

of Cer¹⁵ and the Serbian Army performed a successful counter-offensive on the Kolubara River, when every last Austro-Hungarian soldier was banished from the territory of Serbia, the Bulgarian public faced a slight feeling of disenchantment. Pro-Germanic political circles in Sofia rejoiced and celebrated when Belgrade fell but were completely stunned by the news of the success of the Serbian Army. The best proof of this are the texts of Bulgarian newspapers which were analyzed in the articles of the daily newspaper *Politika*, whose text titled “In Sofia”, published on December 22, 1914, spoke about the shock and disenchantment of the Sofia press after Serbian war exploits against Austria-Hungary. “The victory of Serbia, which was already buried in Sofia, startled even the most chauvinist spirits and, all of a sudden, despite all the self-delusion, sparked an atmosphere of respect towards the neighbour that was underestimated and challenged for so long”, stated an article in the *Politika* and emphasized that “Serbia could honorably say that it had not wronged Bulgaria, either as a neighbor, or as a member of the Slavic community, and that it had remained on top of things during the hardest challenges and temptations. Armed raids, the incessant negative newspaper campaign, and fantastic fabrications on the chaos within the old and new boundaries of Serbia – all of this could not disrupt our tactful behavior towards Sofia”¹⁶. As we can see, the readiness of the Bulgarian Government and the Court to lead Bulgaria into war against Serbia, expecting its fast collapse, diminished after Austro-Hungarian defeats in August and December 1914. King Ferdinand and Radoslavov did not abandon their policy towards Serbia, but they waited for a suitable moment. Having realized the awkward position of the Central Powers in the Balkans after the military failures, they constantly increased their demands against Vienna and Berlin [3, p. 61].

Bulgaria brilliantly played the role of a neutral neighbor to Serbia throughout 1914, which did not even slightly disrupt the activity of its Komitadji troops. Armed raids of Bulgarian Komitadji troops in the territory of Macedonia were carried out continuously since the autumn of 1913. During 1914 and the conflicts with the Monarchy, the number of Bulgarian troops that endangered the border areas in southeast Serbia grew continuously. Because of this, Čolak-Antić, a representative of the Kingdom of Serbia in Sofia, wrote to the Serbian Government in

Niš¹⁷ that the Bulgarian champions “Genadiyev and General Boyadzhiev were secretly encouraging the Macedonians to immediately transfer some troops into Macedonia and provoke an uprising there”¹⁸. His report states that many Bulgarian officers got a leave of absence and went towards the border between Serbia and Bulgaria in order to prepare the troops¹⁹.

During 1915, the Komitadji actions grew in volume because the troops formed and equipped in Bulgaria contained a number of Turkish volunteers and Austro-Hungarian officers. In early April 1915, there was a fierce assault of the Bulgarian Komitadji on the Serbian troops stationed on the border not far from Strumica and Valandovo [16, p. 107]. After strenuous combat, the Serbian forces managed to repel the attack. Based on surveys and examined documents found on the dead Komitadji, it was concluded that their troops were well organized, armed and trained in Bulgaria²⁰. Upon the intrusion of Bulgarian units to the territory of Serbia at Strumica, the authorities in Belgrade sent a note to the forces it was allied to in which it sought their protection and intervention. Despite all of the evidence, the Bulgarian telegraph agency and all newspapers from Sofia claimed that none of the Bulgarian officers and soldiers crossed the border, but that the aforementioned incident was caused by local Turkish companies that fought “against Serbian physical and administrative violence” in Macedonia [20, p. 74]. Similar attacks and the violations of the border between Serbia and Bulgaria happened incessantly. Apart from the armed and sabotage actions, members of the Bulgarian organization performed an energetic propaganda campaign among the populace of south and southeastern Macedonia. The state of war that Serbia was in was also a contributing factor. An especially important issue was mobilizing conscripts from the newly liberated regions, and the members of the Bulgarian organization made use of this fact. Motivated by the Bulgarian propaganda, a part of the male populace from the Štip and Bitola regions left the territory of Serbia in order not to be conscripted, and fled into Bulgaria, which was neutral at that time. Certain Serbian officials suggested that the population of

¹⁵ The Historical Archives of Zaječar, *The Varia Collection 1789–1990*, box No.: 1, doc. No. 24.

¹⁶ *Politika*, December 22, 1914, ed. 3891, 1.

¹⁷ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 2, May 1/14 – July 22/August 4, 1914, doc. No. 580, p. 679.

¹⁸ *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. VII, nb. 2, May 1/14 – July 22/August 4, 1914, doc. No. 678, p. 732.

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Politika*, April 12, 1915, ed. 3997, 1.

southern and southeastern Macedonia should not be treated in the same way regarding military duty as the population of Old Serbia because the contrary could lead to large-scale incidents [5, pp. 262-263]. While Bulgaria and Turkey systematically infiltrated their people and created networks of armed groups for actions against the Serbian authorities, fear and uncertainty once again became dominant throughout the territory of Macedonia [6, p. 721].

Parallel to the Bulgarian-backed terrorist actions and propaganda campaign in newly liberated areas, Sofia was very active in terms of diplomacy. During 1915, the negotiations on Bulgaria's joining the Central Powers were continued, which was paralleled by persistent attempts from the Entente Powers to win the favor of the Bulgarian political leadership and get Bulgaria to join their side [17, pp. 165-166]. The Bulgarian policy in 1915 was defined by open trade aiming at grabbing as much territory from other countries and creating the largest state in the southeast of Europe [9, p. 8].

Great Britain and Russia tried to strengthen their influence in the Balkans by all means and secure Sofia's military and political support by granting its wishes. Therefore, London was ready to grant Bulgaria the territory of Macedonia up to the line determined by the agreement between Serbia and Bulgaria in 1912²¹, while Saint Petersburg played the card of a still vivid memory of Russia's role as Bulgaria's liberator, and the belief of the masses that the fate of Bulgaria lay in the hands of Saint Petersburg. The diplomatic actions of the Entente gained the support of the Bulgarian opposition, and it resulted in the Bulgarian Government contemplating the possibility of both retaining neutrality and still gaining the whole of Macedonia [3, pp. 62-63]. However, the news of Entente's offers alarmed Vienna and Berlin. Aware that the creation of a new Balkan block against them would be more dangerous than any allied success on the eastern or western front, they approached the continuing negotiations with Sofia with greater flexibility. All available political means were used to successfully conclude the negotiations, which even included bribing Bulgarian politicians. The situation was additionally complicated by Italy joining the Entente. Under such

circumstances, the Central Powers intensified negotiations with Bulgaria, which were ended on September 6, 1915 by signing an alliance agreement and a secret convention [14, p. 29]. This agreement granted Bulgaria territorial expansion at the expense of Serbia. According to Article 1 of the secret convention, it received 51, 425 square kilometers and 2, 648, 168 inhabitants with the following Serbian administrative units [3, pp. 169-170].

The Entente sent a ceremonial note to Sofia on September 1, 1915, but to no avail [22, p. 142]. Bulgaria had made its decision. By accepting the stated territorial grants given by the Central Powers, all the obstacles for a coordinated action of their and Bulgarian armed forces against Serbia were removed, which heralded a beginning of a new offensive. According to clearly stated obligations from the agreement and the secret convention signed with Germany (September 6, 1915), Bulgarian forces first needed to be mobilized, and then concentrated on the western border towards Serbia. They were tasked with commencing an attack on Serbia towards Zaječar, Niš, and further south towards Old Serbia after Austro-Hungarian and German units had started their attack on the Sava and the Danube. Supreme command over all the troops which participated in the assault on Serbia was given to the German Generalfeldmarschall August von Mackensen [13; 12, p. 208].

Table
Area and population of the territories of Serbia rejected in favor of Bulgaria

Administrative district name	Size in km ²	Number of inhabitants
1. Požarevac	4,157	262,603
2. Krajina	2,909	113,128
3. Half of the Morava Administrative District	1,450	103,270
4. Timok	3,196	150,965
5. Niš	2,558	201,762
6. Pirot	2,419	114,115
7. Vranje	4,342	257,087
8. Kumanovo	3,500	166,939
9. Štip	3,500	200,000
10. Kavadarci	3,500	97,763
11. Bitola	4,000	345,759
12. Debar	3,500	82,476
13. Tetovo	3,500	157,248
14. Skopje	3,500	153,293
15. Third of the Priština Administrative District	1,200	80,000
16. Toplica	2,839	112,610
17. Half of the Kruševac Administrative District	1,355	85,150
Total:	around 51,425	around 2,648,168

²¹ Archive of Serbia, Ministry of Foreign Affairs of Serbia, Political department, 1912, F – Annex, D – Correspondence with Bulgaria, The Contract of Friendship and Alliance between the Kingdom of Serbia and the Kingdom of Bulgaria, February 29/March 13, 1912, in: *Dokumenti o spoljnoj politici Kraljevine Srbije 1903–1914 [Documents on the Foreign Policy of the Kingdom of Serbia 1903–1914]*, vol. V, nb. 1, January 1/14 – July 14/27, 1912, editor: M. Vojvodić, Belgrade, 1984, doc. No. 168, pp. 375–378.

Preparations for war were performed on all sides. Even though the northern and western front were very significant to Serbia, it paid a lot of attention to its border with Bulgaria. After mobilization was announced in Bulgaria, Serbia was aware of a real danger from a possible attack from the east. This is why the Serbian High Command grouped the troops in the New Region, and on September 30 it started forming the Timok Army and the Vlasina Unit. In order to secure the border between Serbia and Bulgaria, on September 30, the High Command issued an order to the Timok Army that stated: “We are on the brink of war with the Bulgarians. Bulgaria is in a state of mobilization, which was completed on September 28 as far as infantry is concerned while the other segments will be completed on September 30. The concentration of forces is likely to start then. The Timok Army’s task is to secure the border front from St. Nicholas to the mouth of the Timok River, where it empties into the Danube. According to the strict order of our government, the troop commanders should abstain from anything that could give the Bulgarians a motive to present us as instigators of war to our allies”²².

The enemy offensive started on October 6, 1915, with the bombing of Belgrade. The Bulgarian troops were then still on standby. It was only on October 14 that they started an attack from the east, and practically attacked the Serbian northern defenses from the rear. The force of the Bulgarian attack from the rear did not affect the Serbian Second Army. Under the command of General Stepa Stepanović, the Serbian forces managed to repel the first Bulgarian attacks. However, the troops in the north were not sufficient to stop an enemy superior in numbers. A gradual retreat from the northern front line also influenced the units of the Serbian Second Army [12, p. 210]. This situation forced the High Command of the Serbian Army to ask the Russian Tzar for help via its military envoy in Saint Petersburg. This request stated that “the Serbian Army, significantly weaker than the Austro-German and Bulgarian forces, will not be able to resist and stop their onslaught, despite its readiness to halt the enemy at every turn with utmost persistence”²³. This is why Russia was asked to take action that would exert any form of pressure on Bulgaria in order to halt the offensive of its army

against Serbia²⁴. Despite the Serbian appeals for assistance, there were no changes in the front towards Bulgaria. The Vlasina Unit commanded by Lieutenant Colonel Milovan Plazina offered efficient resistance to the Bulgarian forces; however, the stretch from Vlasina to Kriva Palanka was defended by conscripts of the rear guard, mainly from the newly liberated regions, who were not particularly skilled in warfare. This is how the Bulgarians managed to cut the railway line between Niš and Thessaloniki near Vranje on October 16, which entailed the interruption of the railway connection with the allied forces in Greece [7, pp. 34–36].

The Bulgarian Second Army fiercely advanced on the Macedonian front. The forces of the first call-up of the Bregalnica Division, incomparably weaker than the Second Bulgarian Army, were defeated and forced to retreat. As early as October 19, the Bulgarians managed to reach the Vardar River, they entered Kumanovo on October 20, seized Skopje on October 22, and took control of the strategically important Kačanik Gorge on October 26. Because of poor results, General Petar Bojović replaced General Damjan Popović as the commander of the “New Region” troops but was unable to do anything that would change the situation in the field due to difficult conditions across all battlegrounds. The Second Serbian Army was also unable to strike back at the enemy, but on November 9, when the front at the Pusta River began to crumble under the onslaught of the Bulgarians, it managed to consolidate its lines and suppress the enemy towards Leskovac. A fact that contributed to this success was the arrival of Stepa Stepanović, the division commander and future army commander, and King Peter to the first combat lines, a rare occasion in the history of warfare [12, p. 210].

The successful military campaign of the Bulgarian forces in the very south of Serbia was very significant to the Central Powers, cutting away Serbia from the Aegean Sea. Serbia was then in a difficult and nearly hopeless situation. Under the increasing onslaught of enemy forces, the Serbian Army and refugees flocked to the territory of Kosovo and Metohija [8, pp. 20-21]. The retreat of the Serbian Army opened the path for Austria-Hungary and Bulgaria to occupy Serbia. It was not long before Vienna and Sofia managed to establish complete control over Serbia and start forming an occupational government system. Finally, the conquered territory was divided between the Dual Monarchy and Bulgaria. Since January 1, 1916, the Austro-Hungarian part was administratively known as the

²² *Veliki rat Srbije 1914–1918 [The Great War of Serbia 1914–1918]*, editors: M. Vojvodić, D. Živojinović, Belgrade 1970, doc. No. 100, p. 191.

²³ *Veliki rat Srbije 1914 – 1918 [The Great War of Serbia 1914–1918]*, doc. No. 101, pp. 192–193.

²⁴ *Ibid.*

General Governorate of Serbia, while Bulgaria practically annexed eastern and southern Serbia. It divided its spoils of war into two military administrative areas – the Morava Area or “Pomoraviyata” and the Macedonian Area. The center of the Morava Administrative Area, which encompassed the entire eastern and southern half of the territories that belonged to Serbia up to 1912, was in Niš while the center of the Macedonian Administrative Area was in Skopje. Six new counties of the Bulgarian occupation administration were the Niš, Vranje, Pirot, Zaječar, Čuprija, and Požarevac counties. The counties were divided into municipalities and the municipalities were divided into districts. The supreme government in the counties was held by the Bulgarian Army. Upon its arrival, Serbian laws were suspended in these counties, and all the institutions were in the hands of Bulgarian clerks [21, p. 57].

The occupied parts of Serbia were not considered conquered areas. The Bulgarians treated them as liberated areas or Bulgarian “western” provinces. Apart from that, Sofia was convinced that Serbia as a state was wiped out forever from history in 1915 and that the “liberated” areas contained no Serbs at all. This is why the Bulgarian high Command considered that everything that reminded people of Serbia and the Serbs in the occupied areas should be eradicated by force and a firm government. A pure Bulgarian character needed to be imposed in the Morava Administrative Area, and turn it into the Morava region of Bulgaria. In order to achieve this, the authorities banned the use of the Serbian language and led a policy of aggressive assimilation [21, p. 57].

The relations between Serbia and Bulgaria after the Second Balkan War could not be friendly anymore. Despite the efforts of official Belgrade to establish proper relations with Sofia after diplomatic missions were reestablished, the defeat in the Second Balkan War and the loss of territories according to the decisions of the Bucharest Peace Conference disabled the political leadership of the Kingdom of Bulgaria to accept that with honesty. Official Sofia only simulated neutrality in 1914, while at the same time it prepared for a clash with Serbia. Even during the first months of the Great War, while Bulgaria was emphasizing its military neutrality, its newspapers criticized the defensive policy of the Kingdom of Serbia and publicized a great number of false claims regarding the quality of Serbian administration in the newly liberated regions and the way the central authorities treated Serbian citizens of Old Serbia and Macedonia. Parallel to propaganda activities, the

Komitadji gangs organized by active Bulgarian officers endangered the border between Serbia and Bulgaria in the southern regions of the Kingdom of Serbia by incessant provocations. This seemingly fair relationship between Belgrade and Sofia will be definitely ruined by Bulgaria’s accession to the Central Powers and its entering the war against Serbia. The fall of 1915 brought with it the retreat of the Serbian Army towards Kosovo and Metohija and Albania and heralded the beginning of great tribulations of the Serbian civilian population under Bulgarian and Austro-Hungarian occupation administration.

This paper was produced within the project “Tradition, Modernization and National Identity in Serbia and the Balkans in the Process of European Integration” (179074), funded by the Ministry of Education and Science of the Republic of Serbia.

References

1. Antić, D. Makedonsko pitanje na razmeđi vekova kao predmet razdora Kraljevine Srbije i Kneževine Bugarske [The Macedonian Issue at the Turn of the Century as an Object of Contention between the Kingdom of Serbia and the Principality of Bulgaria]. *Papers of the Faculty of Philosophy*, vol. 2, No. 15 (2013): Pp. Pale.
2. Antić, D. Srpska štampa o Sarajevskom atentatu i prilikama pred početak Velikog rata 1914. godine [The Serbian Press on the Sarajevo Assassination and the Situation Before the Beginning of the Great War in 1914]. *Комуникаційні технології, Науковий журнал*, vol. 3 (2014). Pp., Kiev.
3. Avramovski, Ž. *Ratni ciljevi Bugarske i Centralne sile 1914–1918 [The War Goals of Bulgaria and the Central Powers 1914–1918]*, Belgrade: ISI, 1985.
4. Ekmečić, M. *Dugo kretanje između klanja i oranja. Istorija Srba u Novom veku (1492-1992) [The Long Way between Slaughtering and Ploughing. The History of Serbs in the New Century (1492–1992)]*, Belgrade: Zavod za udžbenike, 2008.
5. Ekmečić, M. *Ratni ciljevi Srbije 1914 [Serbia’s War Goals in 1914]*, Belgrade: SKZ, 1990.
6. Ekmečić, M. *Stvaranje Jugoslavije 1790–1918 [The Creation of Yugoslavia 1790–1918]*, vol. II, Belgrade: Prosveta, 1989.
7. Hadži Vasiljević, J. *Bugarska zverstva u Vranju i okolini [Bulgarian Atrocities in Vranje and the Surrounding Area]*, Novi Sad, 1922.
8. Hadži Vasiljević, J. *Srpska vojska u evropskom ratu [The Serbian Army in the European War]*, Novi Sad, 1919.
9. Hrabak, B. *Sile Antante i Sjedinjene Američke Države prema Bugarskoj 1915–1918 [The relationship of the Entente Powers and the United States of America with Bulgaria 1915–1918]*, Vranje: National Museum, 1990.
10. Jovanović, J. *Borba za narodno ujedinjenje 1914–1918 [The Fight for National Unification 1914–1918]*, Belgrade: Geca Kon, 1938.

11. Mitrović, A. *Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke, 1908-1918* [The Expansion to the Balkans. Serbia within the Plans of Austria-Hungary and Germany, 1908-1918], Belgrade: Zavod za udžbenike, 2011.

12. Mitrović, A. *Srbija u Prvom svetskom ratu* [Serbia in World War I], Belgrade: SKZ, 2004.

13. Mitrović, A. Tajni ugovor između Centralnih sila i Bugarske od 6 septembra 1915 [The Secret Contract between the Central Powers and Bulgaria on September 6, 1915]. *Međunarodni problemi* [International issues], No. 3-4 (1978). Pp. 47-65, Belgrade: IMPP.

14. Mitrović, A. *Ustaničke borbe u Srbiji 1916-1918* [Insurgent Battles in Serbia 1916-1918], Belgrade: SKZ, 1987.

15. Popov, D. and Bozhilov, I. *Istorija Bugarske* [The History of Bulgaria], Belgrade: Klio, 2008.

16. Popović, N. Antanta i srpsko-bugarski odnosi u Prvom svetskom ratu [The Entente and the relations between Serbia and Bulgaria in World War I], in *Jugoslovensko-bugarski odnosi u XX veku* [Relations between Yugoslavia and Bulgaria in the XX Century], vol. I: pages, Belgrade: ISI, 1980.

17. Radojević, M. and Dimić, Lj. *Srbija u Velikom ratu 1914-1918* [Serbia in the Great War 1914-1918], Belgrade: SKZ, 2014.

18. Rastović, A. Makedonsko pitanje u britanskom parlamentu 1903-1908 [The Macedonian Issue in the British Parliament 1903-1908]. *Istorijski časopis*, vol. LIX (2010). Pp. 365-386, Belgrade: Historical Institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts.

19. Rastović, A. *Velika Britanija i makedonsko pitanje 1903-1908 godine* [Great Britain and the Macedonian Issue 1903-1908], Belgrade: Historical Institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts, 2011.

20. Sokolović, K. *Hiljadu dana stradanja. Ratni dnevnik telegrafiste vojvode Stepe Stepanovića* [A Thousand Days of Suffering. The War Journal of Duke Stepa Stepanović's Telegrapher], Niš: Prosveta, 1995.

21. Stojančević, V. Sistem bugarske okupacione uprave u Srbiji u vreme Topličkog ustanka 1917 [The System of Bulgarian Occupation Administration], in: *Srbija i srpski narod za vreme rata i okupacije 1914-1918 godine* [Serbia and the Serbian People during the War and Occupation of 1914-1918]: pages, Leskovac: National Museum, 1988.

22. Trubetsky, G. N. *Rat na Balkanu 1914-1917 i ruska diplomatija* [War in the Balkans 1914-1917 and Russian Diplomacy], Belgrade: Prosveta, 1994.

23. Vlahov, T. *Отношенията между България и Централните сили во време на войните 1912-1918 г.* [Relations between Bulgaria and the Central Powers during the War 1912-1918], Sofia, 1957.

ОБ АВТОРАХ:

Антић Дејан Д., магистр исторических наук, асистент кафедре историје, Филозофски факултет, Универзитет у Нише, ул. Кирила и Мефодија, 2, 18000, Ниш, Република Србија. Е-mail: dejan.antic@filfak.ni.ac.rs

Коцић Милена С., магистр исторических наук, докторант кафедре историје, Филозофски факултет, Универзитет у Нише, ул. Кирила и Мефодија, 2, 18000, Ниш, Република Србија. Е-mail: milena.kocic@filfak.ni.ac.rs

ABOUT AUTHORS:

Dejan D. Antić, Master of Historical Sciences, Assistant, Department of History, Faculty of Philosophy, State University of Niš, 2, Cirila i Metodija St., Nis, 18000, Serbia. E-mail: dejan.antic@filfak.ni.ac.rs

Milena C. Kocić, Master of History, Doctoral Student, Department of History, Faculty of Philosophy, State University of Niš, 2, Cirila i Metodija St., Nis, 18000, Serbia. E-mail: milena.kocic@filfak.ni.ac.rs

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-13-21

**Komlenic M.¹
Milicevic N.²
Cvetanovic I.³**

**AN EXPLANATION OF HUMOUR BY THE PRINCIPLES
OF THE ASSOCIATIVE S-R THEORY OF REINFORCEMENT**

1) State University of Nis, Faculty of Philosophy, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia.

E-mail: miroslav.komlenic@filfak.ni.ac.rs

2) State University of Nis, Faculty of Philosophy, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: nesa2206@gmail.com

3) State University of Nis, Faculty of Philosophy, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail:

ivan.cvetanovic@filfak.ni.ac.rs

Abstract

Pleasure experienced in humour is not simply reinforcement due to performing a reaction followed by drive reduction. Gratification in humour is, primarily, in not performing a reaction that is not followed by reinforcement. At the operational level, humour is a close contact of two distinct, interfering reactions (humour as intervening variable). Deductive coverage of this empirical law by a broader theory is achieved by subsuming the contiguity of two reactions into a form of dissipation of reactive inhibition. This is also the main hypothesis of this work: humour is gratification caused by sudden dissipation of reactive inhibition (humour as hypothetical construct). According to Hull [6; 7; 8], each performed reaction leaves behind reactive inhibition – a striving not to be repeated. This striving is an unpleasant state, similar to fatigue, so that removing it represents reinforcement, pleasure. The contiguity of two different reactions (R_1 and R_2), i.e. the quick sequence of R_1 and R_2 , is a form of realization of the striving for R_1 not to recur, that is, dissipation of reactive inhibition of the reaction R_1 . In other words, R_2 is a sudden rest from R_1 . The quicker the sequence of R_1 and R_2 , the stronger is ‘the rest effect’. This is because reactive inhibition is caught at the very end of R_1 , at its maximum, and therefore sudden dissipation of such big amount of reactive inhibition is more reinforcing. A mechanism of putting R_1 and R_2 closer together is the association (of contiguity, similarity or contrast) through which a connection, i.e. mediation of R_1 and R_2 is achieved. Based on our main hypothesis, humor can be divided with regard to presence, i.e. absence of the mediating reaction. A type of humor which includes the mediating reaction, i.e. association, is wit (catchword, raciness), while the other type without the association is comedy (comics).

Key words: humour; reinforcement; reactive inhibition; association; mediation.

**Комленич М.¹
Миличевич Н.²
Цветанович И.³**

**ЮМОР: ОБЪЯСНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПРИНЦИПОВ S-R ТЕОРИИ
ПОДКРЕПЛЕНИЯ**

1) Философский факультет Университета в Нише, ул. Кирилла и Мефодия, д. 1, г. Ниш, 18000, Республика Сербия.

E-mail: miroslav.komlenic@filfak.ni.ac.rs

2) Философский факультет Университета в Нише, ул. Кирилла и Мефодия, д. 1, г. Ниш, 18000, Республика Сербия.

E-mail: nesa2206@gmail.com

3) Философский факультет Университета в Нише, ул. Кирилла и Мефодия, д. 1, г. Ниш, 18000, Республика Сербия.

E-mail: ivan.cvetanovic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация

Гипотеза, изложенная в статье, опирается на принятое в психологии разделение понятия „подкрепление“ на положительное и отрицательное и состоит в том, что удовольствие, которое приносит юмор, заключается не в положительном подкреплении после осуществления реакции с последующей редукцией эмоционального порыва, но в первую очередь, в неисполнении реакции, которая не сопровождается подкреплением (отрицательное подкрепление). Гипотеза представлена в статье последовательно: во-первых, на операционном уровне показывается, что юмор является тесным контактом двух различных интерферирующих реакций (юмор в качестве промежуточной переменной). Затем демонстрируется, каким образом структуру этого явления (соприкосновения двух реакций) можно рассматривать в качестве модели диссипации реактивного торможения (ингибиции), а рассыпание реактивного торможения является своего рода отрицательным подкреплением. Согласно Халлу [6; 7; 8], каждая осуществленная реакция

оставляет за собой реактивное торможение – стремление к ее неповторению. Это переживается как неприятное состояние, которое похоже на усталость, а уклонение от такого состояния является подкреплением. Близость двух различных реакций (R_1 и R_2), то есть быстрая смена R_2 на R_1 представляет собой осуществление желания, чтобы R_1 не повторилось, то есть рассыпание реактивного торможения реакции R_1 . Другими словами, R_2 создает резкий разрыв от R_1 . Чем быстрее последовательность R_1 и R_2 , тем эффект сильнее, поскольку реактивное торможение схвачено на самом конце R_1 когда оно максимальное, и когда рассыпание сильнее. Для сближения R_1 и R_2 используется ассоциация (примыкание, сходство или контраст) в качестве связывающего фактора R_1 и R_2 , или медиатор (посредник). В статье предложено деление юмора по наличию или отсутствию посредничества.

Ключевые слова: юмор; подкрепление; реактивное торможение; ассоциация; посредничество.

Introduction

This work represents an attempt to explain humour by the principles of classical behavior theories of learning, more precisely, the associative S-R theory of reinforcement. We will use *humour* as the highest genus concept for any phenomenon that contains a reaction of laughter. We will leave aside all previous divisions of funny entities that include joke, sally, aphorism, comic, humour, gallows humour, burlesque, humoresque etc. Such decision is normative and plausible, and is a result of realization that we still do not have the highest genus concept of funny, but we do have various divisions (psychoanalytic, literary, and conventional). In other words, there are classes, but there is no genus. Starting from the main hypothesis of this work, we will form a new classification based on a unique principle.

At the beginning of explanation (development of axiomatic system), we need to point to two basic judgements that are generally accepted as true and are so evident that we can freely consider them as facts, or even as axioms. These judgements are:

- 1) *Humour is a pleasure* and
- 2) *Humour is a surprise*.

Obviously, there exists an intersubjective (interpersonal) agreement on the truthfulness of these two stands. In the literature on humour, the second stance (surprise) is often expressed with words such as: sudden turn, astonishment, contrast of representations, and so forth. However, all these terms can be covered with the unique concept of *surprise*.

This explanation of humour is based on the principles of S-R psychology, which results in one terminological problem. Namely, the above-mentioned basic, common sense judgements contain two subjective, *mentalist* terms which do not exist in the vocabulary of S-R psychology: *pleasure* and *surprise*. The principles of operationalism and the empirically verified *law of effect* enable simple transformation of the mentalistic term *pleasure* into the term *reinforcement*. Therefore in our analysis of humour with regard to the first axiom, we will start with reinforcement phenomenon.

When it comes to surprise, it is also possible to

translate it into S-R terms, but first we have to make an operational, logical-methodological move which we could also call *common sense – logical*. Namely, a common sense answer to the question *what is surprise* says that it happens when one thing occurs, and then immediately after, quickly and unforeseeably, something else occurs. Hence, surprise occurs when we react to one thing, one stimulus, after which another stimulus appears quickly to which we react as well. It follows that surprise is in fact a fast sequence of two reactions. If we label the two reactions with R_1 and R_2 , we can express this statement shortly: surprise is a fast sequence of R_1 and R_2 (in the following: R_1-R_2).

Being that we always react to a certain stimulus, a complete formula of surprise would be: $S_1-R_1-S_2-R_2$, where S_1 and S_2 are stimuli that provoke R_1 and R_2 . However, for the purpose of being economic, surprise will be symbolized only with R_1-R_2 , which will axiomatically imply the presence of stimuli (S_1 and S_2). This decision is in accord with the main focus of this paper, and it is on reactions (reinforcing reaction, reaction of surprise, reaction of laughter, etc.).

If we now express the two judgments from the beginning, they would look like this:

- (1) Humor is reinforcement and
- (2) Humor is a fast sequence of R_1-R_2 .

The following development of the problem and its solution will lead us to discovering the type of reinforcement (pleasure), i.e. the type of R_1-R_2 sequence (surprise) humour belongs to. Surely, every type of pleasure is not humour, nor is every type of surprise funny, but stands the opposite.

To solve the problem first we have to look at the types of reinforcement and R_1-R_2 sequence that exist. Only after decomposing these two variables, we can try to determine which of the previously established categories humour falls into.

Reinforcement

Theory of learning, founded on numerous researches [11; 4] postulated two basic types of reinforcement based on learning two basic kinds of

instrumental reactions:

1. *Appetitive (positive) reinforcement* – based on performing the reaction that leads to a reward (learning through rewarding).

2. *Aversive (negative) reinforcement* – based on not performing the reaction that leads to a punishment (learning through punishing).

In both cases the right reaction leads to reinforcement. In appetitive reinforcement, execution of the reaction (R) leads to reward (+), so we can label it shortly with R^+ . For example: an animal presses a lever (R) and gets food (+); a man goes into a restaurant (R) and drinks beer (+).

In aversive reinforcement, not executing the reaction (nonR) leads to avoiding a punishment (–), i.e. to some kind of reward (+). For example, at the sound (S^-) that signalizes approaching shock (–), the animal stops pressing the lever (nonR) and goes into the other close chamber of the cage. This kind of reinforcement should therefore be labeled with the unique symbol $nonR^+$, as not performing the reaction (nonR) leads to a reward (+). Considering that the symbol nonR seems imprecise and unspecified, it can be replaced with R_2 , because *nonR* is in fact *some other R*, that is, some other reaction (not reacting does not exist). Hence, this type of reinforcement can be labeled with R_2^+ since performing some other reaction (R_2) leads to reward (+). Since this way of symbolizing imposes the question of origin of “2” in R_2 , it is necessary to define what is “one”, i.e. what R_2 is preceded by. Therefore a complete symbolization of this type of reinforcement looks like this: $S_1^- - R_2^+$. This means that since performing the reaction R_1 to an unpleasant situation, i.e. stimulus, S_1^- , leads to a punishment (–), only non R_1 , that is R_2 , leads to reinforcement (+). The negative reaction (R_1^-) to the negative stimulus (S_1^-) is avoided by performing the positive reaction (R_2^+).

This would be the *avoidance reaction*, i.e. aversive reinforcement by avoidance reaction. The avoidance reaction is characterized by performing the reaction R_2^+ before experiencing the punishment, just to the exposure of the negative stimulus (S_1^-). Therefore, the reaction of punishment (R_1^-) is avoided as the name implies.

However, there is another type of aversive reinforcement that is based on the *escape reaction*. It is similar to the avoidance reaction with a difference in *saving reaction* (R_2^+) being performed after experiencing the punishment (R_1^-). For example, an animal receives a shock in one chamber of the cage (R_1^-) and then escapes into the other chamber (R_2^+). A man, after experiencing nausea (R_1^-) from several beers he drank, leaves the restaurant (R_2^+). Hence, in

this type of aversive reinforcement the punishment cannot be avoided, but escaped from. Therefore a symbolic representation of this type of reinforcement would be: $R_1^- - R_2^+$. From a negative reaction one escapes by performing a positive, reinforcing one.

Finally, we have established three kinds of reinforcement:

1. Appetitive reinforcement (R^+ , or more precisely R_1^+)
2. Aversive reinforcement
 - a. Aversive reinforcement by avoidance ($S_1^- - R_2^+$)
 - b. Aversive reinforcement by escape ($R_1^- - R_2^+$)

In order to make this trichotomy clearer, we will use some examples:

1. Appetitive reinforcement: eating favorite food, drinking favorite drink, smoking, sex, playing tennis, swimming in the sea, playing a guitar, studying a favorite subject, etc. (performing *pleasant* reactions).

2a. Aversive reinforcement by avoidance: not drinking alcohol (avoiding unpleasant consequences of alcohol consuming), not smoking, dressing warmly in the wintertime (avoiding the cold), dressing lightly in the summertime, studying (avoiding rebuke, bad grades), skipping a class to avoid getting a bad grade, etc. (*avoiding unpleasant* situations, i.e. reactions).

2b. Aversive reinforcement by escape: eating food that we do not like just to satisfy the hunger (“escaping” the unpleasant hunger), drinking alcohol out of sorrow, swimming in the sea in the summertime (“escaping” the heat), divorcing when in a bad marriage, marrying (“escaping” loneliness), skipping a class after getting a failing grade etc. (*escaping* or *aborting*, *terminating unpleasant* situations).

We can notice that it is possible for the same reaction to belong to (1) and (2a) and (2b) at the same time, as well as for two opposite reactions to belong to the same group of reinforcement. It all depends on whether we like a reaction or we just use it to avoid the other, more unpleasant one, or both. For example, swimming in the sea is both: appetitive (pleasant reaction), and aversive reinforcement (avoiding the heat). Likewise, marrying can be appetitive reinforcement, when we love our partner, and/or aversive, when we are avoiding loneliness, or, for example, poverty (a marriage for interest).

In fact, at the human level, reactions that serve as only one type of reinforcement are rare. The most common are the combinations of different types of

reinforcement. However, in every reaction we perform, one type of reinforcement is dominant.

With this we finish the analysis of the first axiom relevant to humor - reinforcement. This analysis was necessary since our assignment is to explain humor phenomenon by determining the type of reinforcement it belongs to. That is an enigma that has been puzzling human kind for centuries: what is that pleasure provoked by a joke? So far, that question has not been answered neither by philosophy or medicine, nor psychology.

2) R₁-R₂ sequence

When reviewing reinforcement, we said that reactions can be:

1. Reinforcing, *favorite* (R⁺) and
2. Non-reinforcing, punishing, *not favorite* (R⁻).

According to this, an R₁ – R₂ sequence can appear in 4 combinations:

1. R₁⁺ - R₂⁺,
2. R₁⁻ - R₂⁺,
3. R₁⁻ - R₂⁻ and
4. R₁⁺ - R₂⁻.

The sequence 1 is present when one performed reinforcing reaction (R₁⁺) is followed by another also reinforcing reaction (R₂⁺). This sequence is known as happiness, joy, game, etc. Sequence 2 is a pleasant surprise or wonderment, sequence 3 is torture, maltreatment, being frustrated, bored, while sequence 4 corresponds to what we call disappointment, drama, tragedy and catastrophe.

Humour – an aversive reinforcement by escape

After having *dissected* our second axiom – the R₁-R₂ sequence, to explain humour we now have three types of reinforcement and four types of R₁ – R₂ sequence (table).

Table

Types of reinforcement and R₁ – R₂ sequence

Types of reinforcement		Types of R ₁ – R ₂ sequence	
1.	Appetitive reinforcement (R ⁺)	1.	Joy, happiness (R ₁ ⁺ – R ₂ ⁺)
2a.	Aversive reinforcement by avoidance (S ₁ ⁻ – R ₂ ⁺)	2.	Wonderment (R ₁ ⁻ – R ₂ ⁺)
2b.	Aversive reinforcement by escape (R ₁ ⁻ – R ₂ ⁺)	3.	Torture (R ₁ ⁻ – R ₂ ⁻)
		4.	Tragedy (R ₁ ⁺ – R ₂ ⁻)

All we know about humour is that it is both reinforcement and an R₁ – R₂ sequence. Hence, humour is that type of R₁ – R₂ sequence which exists in reinforcement as well. If we now look at the repertoire of potential concepts for explanation of humour, we can see that the only type of R₁ – R₂ sequence that goes along with some type of reinforcement is the sequence type 2 (R₁⁻ – R₂⁺). It certainly belongs to type 2b reinforcement, that is, to the escape reaction (R₁⁻ – R₂⁺). Humour is, therefore, reinforcement by the escape reaction. From this follows our first or *working* definition of humour: humor is a fast sequence of two reactions in which reinforcement is achieved by the escape reaction.

In the previous text we have come to the conclusion that humor is a pleasant surprise, moreover, it is wonderment, which falls under the specific type of reinforcement known as the escape reaction. Naturally, humour is not about the escape reaction in literal sense, at the motor level, but at the symbolic, cognitive or mental level. Namely, according to a number of researches [10; 5], the laws which are valid for motor reactions, are also valid for the cognitive ones. The difference is that in humor, due to a greater speed of thought reactions, the escape reaction will be faster, and therefore, reinforcement will be more sudden (which we experience in phenomenon of laughter). We find similar reinforcement by *escape* in psychoanalytical talk about psychological escape from reality, or “escape” into illness, running away from problems, turning to past, etc.

Like any other hypothesis, this one will also remain weak if not reinforced by the facts. Hence, let us take a look at what empirical evidence says. We give several examples of humor:

1) We look out the window and see our not so favorite boss walking down the slippery street. The boss suddenly slips and falls down. (Many people will laugh at this). Therefore we have: walk of a not favorite man (R₁⁻) and his fall (R₂⁺).

It should be noted that we will not laugh if this story is about a person dear to us (R₁⁺).

2) While driving, we get overtaken by a speeding car (R₁⁻). After a few kilometers we see the same car pulled over by the police for speeding (R₂⁺). We smile.

3) I never had any luck. For example, I have never found a four-leaf clover (R₁⁻). My only good fortune is that my paycheck has four zeros (R₂⁺).

As we can see, the examples confirm our hypothesis. In all of them we have the R₁⁻ – R₂⁺ sequence, that is, the reaction of escape from negative to positive. Let it be noted that this reaction

is fast and therefore the reinforcement is sudden. We can say that the hypothesis is now strengthened, verified. However, methodologists of science say that positive examples do not confirm the hypothesis or they do it very weakly. Each of the next positive examples, that is in accord with the hypothesis, has less and less power of corroboration. One hypothesis is good if it successfully resists attempts to prove it invalid, if it is impossible to find an example that contradicts the predictions that follow from the hypothesis (falsification principle). The existence of only one such an example proves the hypothesis wrong. Indeed, one negative example is “worth” more than a hundred positive ones. For the purpose of illustration, we will shortly mention the two most famous hypothesis about humor so far – Freud's and Bergson's – and demonstrate how easy is to prove them wrong by using the falsification method.

Sigmund Freud [2] claimed that the source of satisfaction in humor is in expression of sexual and aggressive impulses. He found confirmation for this in many jokes about sex or aggression. However, as it just have been said, these examples do not help him as much as numerous non-sexual and non-aggressive jokes contradict him. Hence, his hypothesis fails.

Henry Bergson [1], wrote that repetition of an action is what makes us laugh and also that the cause of our satisfaction in a joke is *turning a man into something mechanical* (doll, machine). That is, we laugh when we see a man *regress* to a lower level of his development. For both the first (repetition of an action) and the second (turning a man into something mechanical) Bergson's thesis, we can easily find many contradicting examples.

Are there examples that contradict our hypothesis of humour as the escape reaction? Unfortunately, it seems like there are. We can find examples of jokes with every possible combination of R_1-R_2 . Let us see:

1. The sequence $R_1^+ - R_2^+$:
 - a. The shorter the skirt (R_1^+), the longer the looks (R_2^+).
 - b. I am a marvelous housekeeper (R_1^+). Every time I leave a man, I keep his house (R_2^+).
2. The sequence $R_1^- - R_2^-$:
 - a. A man in love is not complete until he is married (R_1^-). Then he is finished (R_2^-).
 - b. In a hotel: “Hallo, reception! I cannot sleep in my room. It is full of flies (R_1^-)!” “You should sleep during lunchtime; all insects are in the dining room then (R_2^-)!”
3. The sequence $R_1^+ - R_2^-$:
 - a. That woman speaks eight languages (R_1^+) and can't say "no" in any of them (R_2^-).

As we can see from the previous examples, our hypothesis of humour as an escape reaction of $R_1^- - R_2^+$ type is not valid, and the remaining two types of reinforcement are even less plausible. How to escape this theoretical dead end?

Humor – dissipation of reactive inhibition

We remain on the trace of the escape reaction, but we will search deeper within it. Maybe there is an inter-variable between R_1 (of any sign) and R_2 (of any sign); some negative state, more negative than R_2^- , that every reaction, both reinforcing (R_1^+) and non-reinforcing (R_1^-), leaves behind. If that negative state can then be well “captured” and removed by some mechanism, that is, if we succeed in escaping from it into the reaction R_2 , humor can still remain the escape reaction.

Is there such a negative inter-state? Yes, there is. We find it in Hull's theory, in Hull's postulates [4; 6; 7; 8]. That state is *reactive inhibition*. Every performed reaction leaves behind the need for not repetition of the same reaction. Symbolically it can be expressed as Ir: inhibition produced by performing the reaction... Hull usually makes an analogy between these types of inhibition and fatigue, and he calls it inhibition similar to fatigue. Hull presumed that the reactive inhibition is a negative state, some type of negative impulse (negative drive). Therefore we have dissipation, spreading of reactive inhibition presented as reduction of impulse (drive – reduction), that is reinforcement.

It seems like the problem got solved with this. Humor is still the escape reaction, though not from R_1 , but from Ir_1^- (reactive inhibition of reaction R_1). The formula of humor is now $R_1 - Ir_1^- - R_2$, where the escape reaction is contained in the part: $Ir_1^- - R_2^+$. Hence, satisfaction in a joke comes from escaping unpleasant Ir, or, put in Hull's terms, it comes from dissipation of Ir.

How does dissipation of Ir happen? It is simple: Ir_1 is a striving for R_1 not to be repeated. This means that the striving is adequate to a drive for execution of some other reaction (non- R_1), which is none other than some R_2 . The condition of humour being an $R_1 - R_2$ sequence is therefore satisfied. Ir_1 gets dissipated by the fast sequence of R_2 after R_1 and reinforcement is achieved.

Here we have a simple phenomenon, although on the face of it, it might seem complicated. Namely, dissipation of Ir is the closest thing to what we call a rest from activity. For example, during studying (R_1) reactive inhibition on the activity of studying (Ir_1) is being gathered, which results in occurrence of the striving for another type of activity (e.g. walking (R_2)), that will dissipate Ir. It should be noted, however, that in humor we have a *sudden* rest, because of the great speed of the sequence.

If we consider Ir as fatigue, the hypothesis could

also be independent from Hull's theory: humor would be a sudden rest. This would be in accord with the ubiquitous emphasis on the benefits of laughter: a joke brings us work and then immediately after a rest from work, which resembles an active rest, recreation, exercise.

Reactive inhibition is present whenever we find further execution of some action to be hard, odious, boring, tiring, so the tendency to stop doing it or to do it in some other place occurs. This phenomenon is similar to "perceptual satiation", i.e. satiation and fatigue of the nervous paths which results in a tendency to move the nerve processes to a close or a distant zone [3]. For example, when carrying a heavy bag in one hand, after a period of time, we start feeling like putting the bag down or switching it to the other hand. Likewise, after a couple of chess games, we start feeling like changing the game and playing, for example, a game of cards. When watching ambiguous figures (Rubin's Vase, Necker's Cube, Schroder's Reversible Staircase), after a certain period of time (a few seconds), the background and the figure spontaneously switch in our perception, that is, one percept or meaning spontaneously switch with the other one [9].

How do we tie this to our examples of jokes? Take for example: That girl has not a good income, but she has a good outcome (giving, sex). First the activity R_1 takes place: the girl hasn't a good income (salary). Then fast we have a need for R_2 , that is, we have a need not to hear R_1 again (Ir_1). This joke gives this to us very effectively: "the girl is promiscuous" (R_2).

It must be stressed that R_2 is the more effective reaction of rest from R_1 the more it contrasts R_1 . In other words, the more R_2 is different from R_1 , the stronger and more effective dissipation of Ir_1 is going to be. It is logical that running (R_2) will be more effective rest from studying (R_1), than, for example, watching TV (R_3). Similarly, we will rest better from running (R_1) by lying down (R_2), than walking (R_3). This principle (regularity?) helps us understand the fact that in a good joke R_1 and R_2 are often opposite or disparate, unrelated to each other, which results in a sudden, explosive, one-stroke rest. Of course, the effect is stronger if R_2 is more of R_2^+ type of reaction, because in that case not only that we rest from R_1 , but we also accomplish the second reinforcement (R_2^+). For example, we will have a better rest from learning by playing our favorite sport basketball (i.e. running after ball), than by running in circles.

However, there is still some space left for potential critic. Namely, even if we agree that in humor we escape from negative Ir_1 , we can still ask how it is possible that R_2^- serves as a reaction of

"salvation" when it is non-reinforcing, unpopular (as we have seen in some of the examples of jokes).

To answer this question, we will start with the fact that not all the people laugh at " $R_1^+ - R_2^-$ " and " $R_1^- - R_2^-$ " types of joke. Let us remember the acquaintances who get disgusted by "black humor" and similar things. For them, R_2^- is too unpleasant as a result of acquired habits, i.e. previous aversive experience ($S_2^- - R_2^-$). We have to recognize, " $R_1^- - R_2^+$ " and " $R_1^+ - R_2^+$ " types of jokes are indeed more effective. However, that fact alone is not enough to exclude the two first mentioned types of joke from the class of humor, for there is the other part of population that finds them funny, and that is why they still remain humor.

Mediating reaction – association

We can ask ourselves how people who laugh at " $R_1^+ - R_2^-$ " and " $R_1^- - R_2^-$ " types of joke "derive" reinforcement from them. The answer lies in a mechanism that humour is based on, and which will be described in the following text. It exists after execution of every reaction. Of course, it is bigger after executing reactions that require more effort and bring less reinforcement (hence, after R^-). For example, we get more tired from digging (R^-), than from playing tennis or chess. Similarly, Ir is bigger after one hour of studying an unpopular subject (R^-), than after the same period of studying a favorite subject (R^+). We can derive the rule: Ir is directly proportional to effort and the number of executed reactions, and inversely proportional to the reinforcing effect of these reactions. Hence, the formula of Ir is:

$$Ir = \frac{SSS \text{ effort} \times \text{number of repetitions}}{\text{reinforcement}}$$

This means that Ir will also get amassed after learning the favorite subject, or playing the favorite game, but more slowly, i.e. after a larger number of repetitions. A strong reinforcing effect of a reaction, i.e. a big denominator of the formula, decreases the resulting amount of the formula, i.e. Ir , which requires a larger number of repetitions, i.e. bigger numerator. Hence, every executed reaction leaves behind certain amount of Ir , even the reinforcing one, only the amount of Ir after this one is smaller which raises the threshold of number of repetitions needed for experiencing the striving for reaction not to be repeated. However, after a large number of repetitions, inhibition will take place in spite of reinforcement.

After stopping the execution of reaction, Ir

begins to disperse spontaneously, which means that it is the biggest at the very end of the reaction. This brings us within an inch of the explanation of humour mechanism. Namely, humour “catches” the maximum of Ir, which is unpleasant enough so that sometimes even R_2^- can serve as the reaction of salvation, i.e. that all combinations of $R_1 - R_2$ can result in appearance of humour.

Now the question is by which mechanism this is accomplished. The answer lies in *associations*. The associations are the factor of connecting, of bringing stimuli, reactions *close together*. In a joke, the association puts R_2 right next to R_1 and in that way enables catching and dispersing of Ir at its maximum, at the very end of R_1 . This makes it possible for the unpleasantness of Ir_1^- to be bigger than the one of any other R_2 , even R_2^- . This way the difference in potential and flow of excitation are achieved (occurrence of reaction potential), even when it comes to R_2^- , because it is less negative than Ir_1^- at the given moment, and hence can be the reaction of escape from Ir_1^- . In other words, by the means of association the maximum amount of Ir_1^- is caught, even when it comes to R_1^+ , and if the caught negativity is bigger than negativity of reaction that follows (R_2), reinforcement is possible [11, p. 364] (Hull’s theory of reinforcement, postulate 16: competition of reaction potentials). This, as we have seen, does not work with everybody. In some people, the negativity of R_2^- is still too big, so there is no flow. Hence, the association makes possible reinforcement even in jokes of “ $R_1^+ - R_2^-$ ” type, but that does not mean it is superfluous in other combinations because there it increases the effect, i.e. already existing difference in potential. Of course, if we have the $R_1^- - R_2^+$ sequence plus association, laughter is guaranteed and enjoyment (reinforcement) is strong. This also applies for sequence $R_1^+ - R_2^+$, but the effect is somewhat weaker. The next place with regard to the strength of effect is taken by the $R_1^- - R_2^-$ sequence, while it is the most difficult to evoke laughter with the $R_1^+ - R_2^-$ combination. It should be mentioned that there are reactions neutral in their affective tone (neither “+”, nor “-“). The humorous effect in a sequence of these reactions is achieved quite easy, like in the other sequences of reactions with equal signs ($R_1^+ - R_2^+$ and $R_1^- - R_2^-$).

To summarize: however small Ir_1^- after execution of R_1 is, like it is in the case of R_1^+ , it is maximally exploited in a joke with the help of associations. However, the effect is stronger in the case of R_1^- , because of the bigger Ir_1^- . Next, R_2 , even non-reinforcing (R_2^-), can exceptionally serve as a reaction

of rest (salvation, escape), but the effect is stronger when it is reinforcing (R_2^+). Thus, humor is still the reaction of escape (from Ir_1^-) and the explanation remains consistent.

With a reminder that there are three kinds of associations (contiguity, similarity and contrast), and that humour equally uses all three of them without having preferences, in the following text we give some of the previously mentioned examples of jokes with indication of the concrete associations that are used in them:

1. I never had any luck. For example, I have never found a four-leaf clover. My only good fortune is that my paycheck has four zeros. (association by similarity: four leaf – four zeros)
2. “The shorter the skirt, the longer the looks.” (association by contrast: short – long)
3. “I do not live exactly well, I live in a damp, but at least I eat dry food.” (association by contrast: damp – dry)
4. “I am a marvelous housekeeper. Every time I leave a man, I keep his house.” (association by similarity: housekeeper – keep a house)

Classification of humor

According to the presented theory or hypothesis, it is possible to in principle differentiate between two kinds of humour:

- 1) Wit (catchword, raciness) and
- 2) Comedy (comics).

Catchword is a more complex kind because it consists of R_1 , R_2 and the association. Considering that association serves as a link, mediator between R_1 and R_2 , we call it mediating reaction (R_m). Hence, catchword has three reactions: R_1 , R_2 and R_m .

Comic is more primitive type of humor consisting of only two reactions: R_1 and R_2 , without any mediation. That means that R_2 directly (by distraction), without the use of link, “falls” on, i.e. behind R_1 . Examples of comic we find in slipping and falling of unpopular chief and in the person who took us over on a high-way paying a fine.

Since comic does not have the association, i.e. a mechanism that maximally exploits Ir_1 , its effect is more limited. Namely, it is possible only when there is stronger differentiation in favor of R_1^- , that is, in favor of R_2^+ , which makes it more *primitive*. Hence, comic *must not go far from* the pure type of the escape reaction ($R_1^- - R_2^+$). In more picturesque words, since comic does not have the “hose-pipe” (association) for “drawing” Ir_1 , it cannot rely on R_2 to be a reaction of salvation from R_1 or from Ir_1 , if R_1 itself is not more negative than R_2 (or R_2 is not more positive than R_1), which makes it a transition *from worse to better* per se,

i.e. a pure escape reaction, so the hose-pipe is not necessary.

Examples of catchword

At the end we give some examples of catchword with the sketch of explanation and let the reader determine by himself which type of $R_1^- - R_2^-$ sequence they belong to (according to his "taste", i.e. his habits – S-R).

1. "It is the truth, the wine is in me".
 R_1 : In wine is the truth (Latin proverb).
 R_2 : I have drunk wine (I am drunk)
 R_m : association by similarity: in wine is the truth – it is the truth, the wine is...
2. "Love does not know for borders, but it does know for frontiersmen".
 R_1 : Love does not know for restraints. Everything is done for love.
 R_2 : Love sometimes happens to the frontiersmen.
 R_m : association by similarity: border – frontiersmen
3. "I am, therefore my parents didn't think".
 R_1 : I think, therefore I am (Descartes' proverb).
 R_2 : My parents did not think about what would become of me. If they did, they would not conceive me.
 R_m : association by similarity: I think, therefore I am – I am, therefore they didn't think
4. "He got everything easy, so he became a difficult man".
 R_1 : He has not worked too much.
 R_2 : He has earned a lot of money and now he has a bed temper.
 R_m : association by contrast: easy – difficult
5. "Work has made a man, but the night work".
 R_1 : Work has made a man – a proverb which says that man has become a reasonable being owing to work.
 R_2 : Man has been made owing to sex.
 R_m : association by contiguity: work – night work
6. "If you want your wife to be faithful as a dog, buy her a necklace."
 R_1 : There are methods to make a woman faithful.
 R_2 : Money and gold are those methods.
 R_m : association by contiguity: dog – necklace

Conclusions

As we have seen, an aphorism or a joke does not contain a universal (interpersonally accepted) type of sequence, defined by minus or plus of the reactions. It all depends on particular habits, that is, S-R connections that a given joke provokes. Namely, the same joke can be wonderment, torture or disappointment to different people, but it can also have various meanings for the

same person depending on the situation, that is, on the thing or the person which it relates to (S), and also on other S-R connections that can be dominating in a given moment (for example, mood).

Let us consider the aphorism 2, for example ("Love does not know for borders, but it does know for frontiersmen"). If somebody said that in the situation when "I am that frontiersman", reaction R_2 will probably be "+" reaction (R_2^+) and the effect of the joke will be more positive. However, if "I am that misfortunate lover whose girlfriend has left and gone away with some frontiersmen", reaction R_2 is "-" (R_2^-) and the effect of the joke is negative. Hence, we will have the $R_1^+ - R_2^-$ sequence (or even $R_1^- - R_2^-$), and no laughter, but anger, in spite of presence of certain amount of Ir_1^- (reactive inhibition on the frequently used saying: "Love does not know for borders"). Finally, if we are neutral (neither the frontiersman, nor the left boyfriend) in the mentioned aphorism, like in the case of reading it, the effect will be moderately positive.

We will end this exposition with a definition: humor is a quick sequence of two reactions that is achieved with the help of a mediating reaction (in catchword) or by direct distraction (in comics) during which the reinforcement is accomplished through the sudden dissipation of reactive inhibition of the first reaction in the sequence.

References

1. Bergson, A. *O smehu [Of Laughter]*. Beograd, Ed. S.B. Cvijanovic 1905/1920. 147 p. (in Serb.)
2. Freud, S. *Jokes and Their Relation to the Unconscious*. London, Hogarth Press, 1960. 272 p.
3. Forbes, A. and Rice, L. H. Quantitative Studies of Nerve Impulses IV: Fatigue in Peripheral Nerve. *American Journal of Physiology*. 90 (1929). Pp. 119-145.
4. Hilgard, E. R. and Bower, G. H. *Theories of Learning*. New Jersey, Prentice Hall, 1975. 698 p.
5. Hollingvsworth, H. L. *Psychology, Its Facts and Principles*. N.Y., Appleton, 1928. 539 p.
6. Hull, C. *Principles of Behavior*. N.Y., Appleton-Century-Crofts, 1943. 444 p.
7. Hull, C. *Essentials of Behavior*. New Haven, Yale University Press, 1951. 145 p.
8. Hull, C. *A Behavior System*. New Haven, Yale University Press, 1952. 372 p.
9. Krech, D. and Crutchfield, R. *Elements of Psychology*. New York, Random House Inc., 1982. 562 p.
10. Murphy, G. *Istorijski uvod u savremenu psihologiju [Historical Introduction to Modern Psychology]*. Beograd, Savremena škola, 1963. 363 p. (in Serb.)
11. Osgood, C. E. *Method and Theory in Experimental Psychology*. New York, Oxford Univ. Press, 1953. 800 p.

ABOUT AUTORS:

Miroslav Komlenic, Doctor of Psychological Sciences, Assistant Professor, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, State University of Nis, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: miroslav.komlenic@filfak.ni.ac.rs

Nebojsa M. Milicevic, Doctor of Psychological Sciences, Assistant Professor, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, State University of Nis, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: nesa2206@gmail.com

Ivan Cvetanovic, Doctor of Journalism, Professor, Department of Journalism, Faculty of Philosophy, State University of Nis, 1 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: ivan.cvetanovic@filfak.ni.ac.rs

ОБ АВТОРАХ:

Комленич Мирослав, доктор психологических наук, доцент, кафедра психологии, философский факультет, Университет в Нише, Кирилла и Мефодия, 1, г. Ниш, 18000, Сербия. E-mail: miroslav.komlenic@filfak.ni.ac.rs

Миличевич Небойша М., доктор психологических наук, доцент, кафедра психологии, философский факультет, Университет в Нише, Кирилла и Мефодия, 1, г. Ниш, 18000, Сербия. E-mail: nesa2206@gmail.com

Цветанович Иван, доктор журналистики, профессор, кафедра журналистики, философский факультет, Университет в Нише, Кирилла и Мефодия, 1, г. Ниш, 18000, Сербия. E-mail: ivan.cvetanovic@filfak.ni.ac.rs

АРХИВ

УДК 929

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43

Московкин В. М.

**ОЧЕРКИ О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕТЫРЕХ
ДИРЕКТОРОВ БЕЛГОРОДСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85,
г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Аннотация

Актуальность темы очерков связана с празднованием в 2016 году 140-летия Белгородского государственного национального исследовательского университета и отсутствием систематических исследований по дореволюционной истории Белгородского учительского института (БУИ).

В работе была поставлена задача систематически проанализировать творческую деятельность всех дореволюционных директоров этого института.

В качестве методологической основы исследования были использованы сплошной мониторинг и контент анализ всех доступных изданий Журнала министерства народного просвещения, Циркулярных Виленского и Харьковского учебных округов, а также глубокий поиск в сети Интернет с помощью Google Scholar и Google Books.

В результате исследования идентифицированы четыре директора БУИ, о которых написаны очерки их творческой деятельности, и уточнена хронология работы в БУИ всех его директоров.

В табличной форме сформулированы основные вклады четырех директоров БУИ в науку и просвещение с предложением увековечить их имена в Белгороде во время празднования 140-летия Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт; Рощин П.Е.; Комаров А.Ф.; Димитриу А.К.; Пактовский Ф.Е.; Журнал министерства народного просвещения; Виленский учебный округ; Харьковский учебный округ; Google Scholar; Google Books.

Moskovkin V. M.

**ESSAYS ABOUT CREATIVE ACTIVITIES OF FOUR DIRECTORS
OF THE BELGOROD TEACHER'S INSTITUTE**

Belgorod National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract

The significance of the essays' theme is connected with the celebration of the 140th anniversary of Belgorod State National Research University in 2016 and with the lack of systematic research on the history of pre-revolutionary Belgorod Teachers' Training Institute (BTTI). The goal set out in this paper is to analyze systematically all the pre-revolutionary creativity of Directors of the Institute.

The methodological basis of the research was the continuous monitoring and content analysis of all available editions of *The Journal of the Ministry of Education*, Circulars of Vilna and Kharkov school districts, as well as a deep search on the Internet using Google Scholar and Google Books.

Results of the study include the identification of the four directors of BTTI, whose creative activity was described in various essays, as well as clarification of the chronology of all BTTI's directors job.

The main contributions of the four directors of the BTI in science and education are formulated in tables. It is proposed to immortalize their names in Belgorod during the celebration of the 140th anniversary of Belgorod State National Research University.

Keywords: Belgorod Pedagogical Institute; Roshchin P.E.; Komarov A.F.; Dimitriou A.K.; Paktovsky F.E.; The Journal of the Ministry of Education; Vilna school district; Kharkov school district; Google Scholar; Google Books.

Введение

Систематические исследования по дореволюционной истории Белгородского учительского института отсутствовали до самого последнего времени. Известно несколько работ [29; 16; 4; 6; 27], в которых представлены неполные и фрагментарные сведения о директорах и преподавателях БУИ. В целях систематического изучения процесса становления и развития института мы опираемся на официальные издания Министерства народного просвещения и учебных округов, включающие журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), «Списки чиновников и преподавателей по учебным округам» (позднее «Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения») и «Циркуляры по учебным округам» (нас интересуют Виленский и Харьковский учебный округа).

Относительно недавно стало возможным изучать ЖМНП дистанционно, так как большинство его выпусков (частей) 1834–1907 гг. были выставлены в сети Интернет¹. Циркуляры по Виленскому и Харьковскому учебным округам мы изучили в отделе редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета (ЦНБ ХНУ) имени В.Н. Каразина и в отделе «Украиника» Харьковской государственной научной библиотеки (ХГНБ) имени В.Г. Короленко.

Тщательный просмотр выпусков ЖМНП и Циркуляров по Харьковскому учебному округу позволил составить хронологию назначений и увольнений директоров БУИ (табл. 1).

В этой хронологии имеются пробелы. Отсутствуют приказы о назначении первым директором БУИ П.Е. Рощина (1876 г.), о переводе пятого директора БУИ А.К. Димитриу во вновь созданный Воронежский учительский институт (1913 г.) и о назначении директором БУИ П.А. Дьяконова (1913 г.), проработавшего в этой должности до 1920 г. (согласно старой хронике Белгородского госуниверситета [см.: 29; 16]). Важно подчеркнуть, что все выпуски ЖМНП за 1876-77 гг. на сайте электронной библиотеки *Руниверс* имеются, но приказа о назначении П.Е. Рощина директором БУИ в них нет.

Отметим, что согласно старой хронологии, составленной историками Белгородского госуниверситета, были известны следующие дореволюционные директора БУИ: Рощин П.Е., Ларионов Д.Н., Димитриу А.К., Дьяконов П.А. Таким образом, нам удалось добавить к ним Комарова А.Ф. и Пактовского Ф.Е. (табл. 1).

С помощью вышеуказанных официальных изданий и глубокого интернет-поиска мы собрали и проанализировали всю доступную на сегодня информацию о творческой деятельности четырех дореволюционных директоров БУИ и представили ее в виде четырех очерков. К сожалению, отсутствие достаточно полных сведений о двух дореволюционных директорах БУИ Д.Н. Ларионове и П.А. Дьяконове не позволило нам написать очерки о них.

Таблица 1

Хронология назначений и увольнений директоров Белгородского учительского института

Table 1

Chronology of the appointments and dismissals of Belgorod Teachers' Institute Directors

Приказы по Министерству народного просвещения / Orders of the Ministry of Public Education	Источник / Source
Увольняется, согласно решению, директор Белгородского учительского института, коллежский советник Рощин, от службы, с дозволением носить в отставке мундирный полукафтан, последней должности присвоенной ² (Приказ № 17 от 28 октября 1878 г.)	ЖМНП. Часть ССІ. Январь 1879 г.
Директор народных училищ Воронежской губернии, коллежский советник Ларионов, назначается директором Белгородского учительского института (Приказ № 17 от 28 октября 1878 г.)	ЖМНП. Часть ССІ. Январь 1879 г.
Увольняется от службы, согласно прошению, директор Белгородского учительского института, действительный статский советник Ларионов с мундиром, занимаемой им должности (Приказ № 38 от 13 мая 1902 г.)	ЖМНП. Часть СССХХХХІІ. Июль 1902 г.
Директор народных училищ Воронежской губернии, действительный статский советник Комаров, назначается директором Белгородского учительского института, согласно прошению (Приказ № 56 от	ЖМНП. Часть СССХХХХІІІ. Сентябрь 1902 г.

² Пунктуация и особенности орфографии источника сохранены здесь и при последующем цитировании. – *Прим. ред.*

¹ Web-адрес: www.runivers.ru/lib/book7643/420634/

1 июля 1902 г.)	
Увольняется от службы, согласно прошению, директор Белгородского учительского института, действительный статский советник Комаров. С мундиром означенной должности с 1 июля за выслугу лет (Приказ № 51 от 1 июля 1905 г.)	ЖМНП. Часть CCCLXI. Сентябрь 1905 г.
Преподаватель, исполняющий обязанности инспектора Моршанского реального училища, статский советник Пактовский, назначается директором Белгородского учительского института, с 1 июля (Приказ № 52 от 9 июля 1905 г.)	ЖМНП. Часть CCCLXI. Сентябрь 1905 г.
Директор БУИ, с.с. Пактовский назначается директором Харьковской второй гимназии (Приказ № 68 от 02 сентября 1906 г.)	Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1906 г. № 10
Переводится на службу по ведомству Министерства Народного Просвещения, состоящий за штатом директор Люблинского семиклассного коммерческого училища, надворный советник Димитриу, директором Белгородского учительского института (Приказ № 72 от 30 сентября 1906 г.)	ЖМНП. Часть VI. Ноябрь 1906 г.

Павел Емельянович Роцин (1833?–1903)

О первом директоре Белгородского учительского института Павле Емельяновиче Роцине до последнего времени было мало что известно. Скучные сведения о нем опирались на статью «Об открытии учительского института в Белгороде», опубликованную в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1877 год [28]. Но в ней П.Е. Роцин упомянут без имени и отчества, в связи с произнесением им речи на торжественном акте по поводу открытия института. В статье были отмечены его заслуги в обустройстве института, а также написано: «Уроки русского языка с церковно-славянским впредь до приискания особого учителя, приняты директором на себя, а относительно учителя рисования и черчения он вышел в сношение с правлением Императорской академии художеств». Это и все сведения о нем, которые были известны историкам и краеведам Белгорода до последнего времени. Прорыв в знаниях произошел в 2013 году, когда стали известны подробности участия П.Е. Роцина в

судьбе академика живописи Юлия Феддера (1838–1909) [32]³, который в течение десяти (1876–1886) лет работал в Белгородском учительском институте. Мы узнали, что Павел Емельянович Роцин служил в должности окружного инспектора Виленского учебного округа, после чего мы обратились к Циркулярам этого учебного округа, которые хранятся в отделе редкой книги ЦНБ ХНУ им. В.Н. Каразина. В наиболее раннем из таких Циркуляров мы обнаружили сведения о том, что Павел Роцин, учитель русской словесности Виленского равнинского училища, распоряжением попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова назначен был с 1 апреля 1867 г. на должность правителя канцелярии попечителя⁴. В еще одном Циркуляре за 1872 г. мы увидели сообщение «О назначении Роцина директором училищ Могилевской губернии», в котором говорится: «Вследствие представления г. попечителя Виленского учебного округа, от 8 истекшего апреля за № 2422, г. министр народного просвещения уведомил его, что он согласен на назначение инспектора народных училищ Гродненской губернии Роцина директором народных училищ Могилевской губернии и что об этом назначении, с сего числа, будет внесено в приказ по Министерству народного просвещения»⁵. В этом же году по Министерству народного просвещения от 17 июля вышло распоряжение (№ 7553) о производстве г. Роцина в чин надворного советника, в котором написано: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. управляющего Министерством народного просвещения, Всемилостивейше соизволил в 10 день июля с.г. на производство директора народных училищ Могилевской губернии, провинциального секретаря Павла Роцина, в надворные советники, со старшинством с 4-го июля 1872 года. О таковом Высочайшем повелении сообщено г. управляющим Министерством народного просвещения г. управляющему Виленским учебным округом от 16 июля с.г. за № 7533»⁶.

В декабрьском Циркуляре за 1872 год был опубликован «Отчет Роцина по обозрению педагогического отдела Московской

³ Об этом тогда же сделала сообщение директор музея истории БелГУ И.В. Денисова. Копии документов Фонда 733 Министерства народного просвещения хранятся в Музее истории НИУ «БелГУ».

⁴ Циркуляр по управлению Виленским учебным округом. 1867. № 5. С. 13.

⁵ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1872. № 5. С. 161.

⁶ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1872. № 7. С. 282.

политехнической выставки 1872 г.» на 24 страницах, который был подписан им как директором Могилевских народных училищ 29 ноября за № 3194⁷. В этом же номере Циркуляра было опубликовано его донесение от 4 ноября 1872 г. за № 2890 о теоретической и практической подготовке кандидатов в народные учителя при Могилевской дирекции⁸. В февральском номере Циркуляра за 1873 г. было опубликовано пять циркулярных предложений Рощина⁹, а в мартовском номере за этот же год – циркулярное предложение учительницам женских смен¹⁰. В майском номере Циркуляра за 1873 год опубликовано пять циркулярных предложений Рощина учителям народных училищ Могилевской губернии¹¹, а в декабрьском номере – его же донесение (от 9 ноября за № 4502) о теоретической и практической подготовке кандидатов в народные учителя во временной учительской школе при Могилевской дирекции народных училищ¹². Общий объем циркулярных предложений и донесений Рощина за 1872-1873 гг. составил около 37 страниц печатного текста, по ним вполне можно судить об интеллектуальном уровне и стиле письменного изложения мыслей автора.

В Циркулярах за 1874 год сведения о П.Е. Рощине отсутствовали.

В апрельском Циркуляре за 1875 г. можно прочитать, что «Ученый комитет Министерства народного просвещения, рассмотрел составленную П. Рощиным книгу под заглавием: «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемый к учебным предметам начального обучения», 2-е издание 1873 г. и определением своим, утвержденным г. товарищем Министра, постановил, что книга эта может служить руководством для женских гимназий и учительских семинарий»¹³.

В сентябрьско-октябрьском Циркуляре за 1875 г. был опубликован «Отчет о заграничной командировке окружного инспектора Виленского

учебного округа Рощина» на 74 страницах¹⁴. Цель его полуторамесячной командировки, начавшейся 8 августа 1875 г., состояла в изучении работы немецких, особенно саксонских, учительских семинарий. Отчет отличается содержательным анализом и обилием фактических сведений, представленных в виде таблиц. Таким образом, можно заключить, что общий объем опубликованных П.Е. Рощиным в Циркулярах по Виленскому учебному округу отчетов и предложений за 1872, 1873 и 1875 гг. составил 126 страниц.

В Циркулярах за 1873–1875 гг. отсутствует приказ о переводе П.Е. Рощина с должности директора народных училищ Могилевской губернии на должность окружного инспектора Виленского учебного округа.

Из-за неполноты Циркуляров по Виленскому и Харьковскому учебным округам за 1876 год нам не удалось обнаружить и приказа о назначении П.Е. Рощина на должность директора БУИ. Однако нашлись приказ о присвоении ему с 4 июля 1876 г. чина коллежского советника за выслугу лет (предыдущий чин – надворный советник)¹⁵ и приказ об увольнении директора БУИ, коллежского советника Рощина, «согласно прошению, с дозволением носить в отставке мундирный полукафтан, последней должности присвоенный»¹⁶. Это косвенно подтверждается библиографическим описанием 6-го издания его главного педагогического труда, опубликованного в 1884 г., в котором сказано, что автор – бывший директор Белгородского учительского института¹⁷.

В октябрьском Циркуляре по Харьковскому учебному округу за 1903 г. опубликован приказ по Министерству народного просвещения (№ 24864 от 15 августа 1903 г.): «Вдове умершего в отставке, с пенсией, бывшего директора Белгородского учительского института, коллежского советника Рощина, Евдокии Рощиной, за 25-летнюю службу мужа, на основании св. зак. т. III уст. о пенсиях и единовременных пособиях (изд. 1896 г.) ст. 99, 104, 198, 345 и 348 назначается половина оклада пенсии

⁷ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1872. № 12. С. 443–467.

⁸ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1872. № 12. С. 468–474.

⁹ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1873. № 2. С. 44–51.

¹⁰ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1873. № 3. С. 90–91.

¹¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1873. № 5. С. 272–275.

¹² Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1873. № 11. С. 405–413.

¹³ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1875. № 4. С. 162–163.

¹⁴ Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1875. № 9–10. С. 373–447

¹⁵ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. № 11. С. 10.

¹⁶ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1878. № 12. С. 30

¹⁷ Рошин, П.Е. Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемой к учебным предметам начального образования / Сост. П. Рошин, б. директор учит. ин-та в Белгороде; [предисл. сост.]. 6-е испр. изд. Издание «Сотрудник школ» А.К. Залеской в Москве. М.: Тип. Э. Лесснер и Ю. Роман, 1884. VIII, 190 с.

(800 р.), производившейся покойному Рошину в отставке – по 400 р. в год, со дня смерти Рошина – 26 февраля 1903 г.»¹⁸.

В статье «Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона» о газете «Виленский вестник» указано, что редактором-издателем этого старейшего литовского издания с 1866 г. стал В. Забелин, а П.Е. Рошин и М. де-Пуле – соредакторами; при этом с 1868 по 1870 год газету редактировал П.Е. Рошин [7]. Поскольку известно, что в Северо-Западном крае империи в 60-е годы XIX века (после польского восстания 1863 г.) велась борьба с полонизмом и папизмом, можно предположить, что П.Е. Рошин был среди тысяч квалифицированных специалистов из внутренних губерний России, мобилизованных осуществлять программу виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева по русификации [см.: 18].

Обратимся к результатам нашего интернет-поиска, тестируя полную фамилию Рошина в четырех возможных ее транскрипциях с помощью расширенного поиска в Google Books и Google.

С помощью поиска в Google Books мы обнаружили интересную выдержку из статьи известного в свое время публициста Саула Моисеевича Гинсбурга, опубликованной в «Еврейском вестнике» за 1928 год. Эта выдержка в статусе «snippet» была приведена с неполным библиографическим описанием, поэтому мы не смогли корректно сослаться на эту статью в списке литературы. Приведем эту выдержку дословно: «1-го ноября Рошин перестал быть редактором Вестника. Падение Батюшкова так ошеломило его, что он в тот же день бросил редакцию и удрал в Гродно на должность инспектора народных...». Очевидно, что вместо многоточия следует читать «училищ». В примечании к этой выдержке написано, что под Вестником подразумевается Виленский вестник. Понятно также, что 1 ноября относится к 1869 году, когда П.Н. Батюшков был снят с должности попечителя Виленского учебного округа. Также отметим, что он был младшим братом поэта К.Н. Батюшкова [14]. В работе даются следующие подробности взаимоотношений П.Е. Рошина с П.Н. Батюшковым: «В 1869 г., под фелурой попечителя Виленского учебного округа П.Н. Батюшкова, русский язык стал внедряться в дополнительное богослужение. <...> В письме, посланном из Петербурга совсем незадолго до смещения с должности в октябре 1869 г., Батюшков спрашивал редактора “Виленского вестника” П.Е. Рошина, получил ли тот текст кантычек от

переводчика Исаченко, и сообщал радостную новость: “Мне обещал один из наших даровитых поэтов пересмотреть, где будет это нужно, переправить переложение на русский язык” (Копия письма П.Н. Батюшкова П.Е. Рошину от 12 октября 1869 г., перлюстрированного для А.Л. Потапова // LVTA. F.378. Ap.219. B675. L.145–145 ap.). Перевод был неудовлетворительный. Гезен тогда же известил Каткова о том, что Майков, увы, не берется сам лично переводить польские гимны, но (как он обещал Каткову) согласен проверить присланную из Вильны рукопись».

Имеется довольно большой пласт научных работ, которые цитируют труд П.Е. Рошина «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемой к учебным предметам начального образования» в московском издании 1881 г. На это издание ссылается, в частности, О.Ю. Колпачева в своей диссертации [17]. Т.М. Аминов упоминает, что в качестве учебников в Уфимском учительском институте, который был открыт в 1909 г., использовались, среди прочих, учебники по педагогике Рошина [см. 3]. Е.А. Аксентьева пишет, со ссылкой на работу А.А. Пашкова [33], что педагогика в Мариинских гимназиях, открытых в 1862 г., велась 1-2 раза в неделю в седьмом классе по учебнику Рошина [см. 2]. Из последних двух работ можно сделать вывод, что в Зауралье в конце XIX – начале XX в. в мужских и женских гимназиях педагогику и дидактику читали по учебнику Рошина. В работе М.А. Гончарова [11] дано обозрение самых популярных и известных пособий и учебников по истории и теории педагогики, опубликованных в 70-х–80-х гг. XIX в. Автор делает обзор четырех учебных книг¹⁹ и больше всего места в нем уделяет книге Рошина, хотя делает вывод, не очень лестный для нее: «Учебник П.Е. Рошина удовлетворял установкам официальной педагогики с ее утилитарным взглядом на задачи воспитания и обучения и был рекомендован Ученым Комитетом Министерства народного просвещения (МНП) в качестве руководства для женских гимназий и учительских семинарий, но не соответствовал современному уровню развития педагогики» [11, с. 64]. В то же время мы полагаем, что если П.Е. Рошин и не дотягивал до передовых взглядов и идей К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова, Н.А. Добролюбова,

¹⁹ Кроме уже названной книги П.Е. Рошина «Очерк главнейших практических положений педагогики...», это: Лядов В.И. Руководство к воспитанию и обучению детей. СПб.: Н.Б. Карбасников, 1870; Мальцев А.П. Основания педагогики. Изд. 2-е, СПб.: Задруга, 1887; Чистяков М.Б. Курс педагогики. СПб.: Н. Фену и Ко, 1875.

¹⁸ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1903. № 10. С. 33.

Д.И. Писарева, В.Г. Белинского, Л.Н. Толстого, А.С. Хомякова, С.А. Рачинского и др., которые в эпоху неолиберальных реформ постсоветского образования во многом утеряны, то его выводы и рекомендации очень здравы и актуальны в наше время. Вот только некоторые выдержки, которые приводит М.А. Гончаров в отношении книги П.Е. Рощина: «П.Е. Рошин с позиций установок МНП России показал, что целью воспитания и обучения следует считать достижение возможного человеческого совершенства, а средством для обретения этой цели – гармоническое развитие природных сил и духовных способностей. Воспитание он рассматривал как намеренное действие взрослых на малолетних с целью развития физических, умственных и нравственных сил» [11, с. 63]. Далее М.А. Гончаров отмечает, что по П.Е. Рошину, физическое и духовное в человеке связаны между собой и взаимодействуют, а следовательно, воспитание должно быть как физическим (воспитание тела), так и духовным (развитие умственных и чувственных душевных способностей, а в их числе и нравственно-религиозных и эстетических). Отсюда П.Е. Рошин делал вывод, что наиболее жизнеспособным является человек всесторонне развитый, и это чрезвычайно значимо в практической деятельности людей. Далее речь идет о пользе гимнастики, постепенном раскрытии мыслительных способностей ребенка, пассивном и активном внимании (активное внимание побуждает к самостоятельной деятельности), о вреде слепого повиновения, о нравственном воспитании как развитии «чувственных сил души», о наградах и наказаниях, которые не могут заглушить в душе нравственные мотивы поступков, о необходимости приспособления подачи учебного материала к условиям и законам развития детской личности, о принципе наглядности в обучении. В принципе, специалисты по истории российской педагогики могли бы сказать, насколько взгляды П.Е. Рощина на процесс преподавания в начальной школе были в то время новы и признаны. И в заключение, на злобу дня, приведем выдержку из главы «Дидактика» книги П.Е. Рощина, которую цитирует М.А. Гончаров: «П.Е. Рошин определил задачу начального обучения, состоящую в сообщении учащимся знаний, умений и навыков, с помощью которых облегчается дальнейшее самообразование человека» [11, с. 64]. То есть то, чем сейчас озабочены преподаватели, было широко известно и в XIX в. Об остальных книгах М.А. Гончаров высказывается еще более категорично, отмечая, что авторы многих учебников по педагогике не

развивали педагогику, а выступали простыми подражателями педагогических идей 60-х годов XIX в., нередко искажая и утрируя их [см. 11, с. 67]. Но это точно, на наш взгляд, не относится к книге П.Е. Рощина.

Таким образом, можно заключить, что П.Е. Рошин возглавил вновь созданный Белгородский учительский институт уже известным по его работе в Виленском учебном округе педагогом, редактором и чиновником. Поэтому можно предположить, что за более чем двухлетний период работы в должности директора БУИ он поставил на высокий уровень управленческий и учебный процесс в нем, выйдя в отставку с этой должности. Поскольку основная книга П.Е. Рощина вышла шестью изданиями до 1884 г. включительно, охватывая период его работы в БУИ, отсюда следует, что он работал над усовершенствованием своего главного труда во время директорства в этом институте и, естественно, внедрял в учебный процесс БУИ основные его положения. Как мы показали выше, учебник П.Е. Рощина использовался при изучении курса педагогики и дидактики в женских гимназиях, учительских семинариях и институтах России, по крайней мере, до революции 1917 г. Учитывая, что второе издание его учебника вышло в 1873 г., можно заключить, что он использовался на уровне российского образования около полувека. Всё это подтверждает недавно выясненные нами факты, что первое издание книги П.Е. Рощина вышло в 1871 г., а двенадцатое – в 1907 г.

Приблизительный год рождения П.Е. Рощина можно реконструировать следующим образом. В Циркуляре 1903 г. по Харьковскому учебному округу²⁰ отмечалась его 25-летняя служба, и из этого же Циркуляра мы знаем, что он вышел в отставку в 1878 г. Следовательно, он поступил на службу

в 1878 – 25 = 1853 г. Предполагая, что он окончил университет в 20 лет, получим приблизительный год рождения П.Е. Рощина – 1833 г.

П.Е. Рощина на посту директора БУИ сменил Д.Н. Ларионов, впоследствии действительный статский советник. Он проработал в этом институте с 28 октября 1878 по 13 мая 1902 г. (см. табл. 1), однако какие-либо сведения о содержании его деятельности на поприще образования отсутствуют. Мы обнаружили только в Большом русском альбоме «Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов» (www.rusalbom.ru) фотопортрет

²⁰ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1903. № 10. С. 33.

Дмитрия Николаевича Ларионова из частного собрания С.Е. Володарского (Харьков), сделанный в 1898 г. в Белгороде профессиональным фотографом Константином Андреевичем Скорупским, и «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» (от 13 мая 1902 г., № 37), который сообщает об увольнении от службы директора БУИ д.с.с. Ларионова, согласно прошению, с мундиром, занимаемой им должности присвоенным²¹. Отметим, что в ЖМНП этот приказ отмечен под номером 38 (см. табл. 1). Отсутствие каких-либо биографических сведений о нем не позволяет написать очерк о его профессиональной деятельности. Д.Н. Ларионова на посту директора БУИ сменил крупный деятель народного образования и культуры России и Украины Комаров А.Ф.

Александр Федорович Комаров (1842–1918)

Изучая историю организации БУИ, мы опирались, прежде всего, на опубликованный в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП) в 1877 г. документ «Об открытии учительского института в Белгороде» [28]. Здесь отмечено, что для преподавания естественных наук и физики в этот институт был прислан из Харькова г. Комаров, кандидат Императорского Харьковского университета (ИХУ). Обратившись к спискам студентов и вольнослушателей этого университета, доступным сейчас в электронном архиве ХНУ имени В.Н. Каразина (коллекция «Alma Mater»), выбрав выпускников с фамилией Комаров за 60-70-е годы XIX в., мы обнаружили Александра Комарова, студента 4 курса отделения естественных наук физико-математического факультета в 1868-69 учебном году. Кроме того, выяснилось, что он получал Педагогическую стипендию Министерства народного просвещения, имел социальный статус «из купцов», в родительском доме получил первоначальное воспитание, а в ИХУ поступил 8 сентября 1865 г.

Изучив все «Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» (или по учебным округам), хранящиеся в библиотеках ХГНБ им. В.Г. Короленко и ЦНБ ХНУ им. В.Н. Каразина, мы нашли сведения об А. Комарове только в одном таком издании за 1904 год²². В нем представлена информация о том, что Александр Федорович Комаров родился в 1854 г.; что он православного вероисповедания, из купцов, женат, имеет двух дочерей 1870 и 1876

годов рождения и что проживает в казенной квартире. О карьере сообщается, что А.Ф. Комаров окончил Императорский Харьковский университет, имеет чин действительного статского советника и занимает должность директора Белгородского учительского института (должность соответствует V классу), в службе и ведомстве находится с 1870 г., в чине д.с.с. состоит с 1 января 1902 г., в должности директора БУИ с 1 июля 1902 г. Сообщается о наградах: ордена Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени и медаль «В память царствования императора Александра III»; последняя награда получена 1 января 1902 г. Указаны также размер жалования – 1200 р., столовых – 800 р. и пенсии – 1080 р.; всего 3080 р.

Также нами обнаружен «Высочайший приказ по гражданскому ведомству» № 56 от 1 июля 1902 г., опубликованный в Циркуляре по Харьковскому учебному округу в августе 1902 г., где сказано, что директор народных училищ Воронежской губернии, д.с.с. Комаров, согласно прошению, назначен директором БУИ²³ (см. табл. 1).

Сравнив сведения о студенте А. Комарове, упоминание в ЖМНП за 1877 г. об учителе естественных наук и физики БУИ г. Комарове и приказ о назначении д.с.с. Комарова директором БУИ, мы увидели, что директор БУИ А.Ф. Комаров, преподаватель БУИ г. Комаров и студент ИХУ А. Комаров – одна и та же личность.

Мы обратили внимание на ранний возраст поступления А.Ф. Комарова в Императорский Харьковский университет (11 лет) и начало его трудовой деятельности в качестве преподавателя (16 лет), что указывает на ошибку в документе относительно даты рождения.

Из вышесказанного вытекает существенная правка хронологии директоров Белгородского учительского института, так как в ней А.Ф. Комаров отсутствует. Долгое время считалось, что Дмитрий Николаевич Ларионова (1878-1906 гг.) на месте директора БУИ в 1906 г. сменил Алексей Константинович Димитриу [4; 6; 16; 27; 29], но полученные нами сведения позволяют утверждать, что в 1902 г. директором БУИ стал Александр Федорович Комаров.

Зададимся вопросом о творческом наследии А.Ф. Комарова. Поиск с помощью Google показал, что главная написанная им книга – это многократно переизданная «Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах», впервые опубликованная в Воронеже в 1885 году.

²¹ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 7. С. 14.

²² Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1904 год. СПб., 1904. С. 689.

²³ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 8. С. 17.

А.Ф. Комаров в этом издании указан инспектором народных училищ Воронежской губернии.

Через Google Books нами была обнаружена следующая выдержка из ЖМНП: «...книга – о народных училищах. Составил А.Ф. Комаров, директор Белгородского учительского института. Изд. 8-е. М. 1904, стр. 108+11, ц. 40 коп. Книжка расходится довольно бойко: 1-е изд. ее появилось в 1889 г., а в 1904 г. понадобилось уже 8-е издание. Такой успех нельзя объяснить одним служебным положением автора, который был...»²⁴.

Ссылки в Сети на 3-е (1899), 4-е (1906) и 5-е (1914)²⁵ издания московского книгоиздательства К.И. Тихомирова свидетельствуют о том, что в Москве книгу печатали два разных издательства. Кроме воронежского и двух московских изданий этой книги, существовало и Петербургское издание 1906 г.²⁶ Отметим, что экземпляр 2-го издания К.И. Тихомирова (1895 г.) хранится в Харьковской государственной научной библиотеке имени В.Г. Короленко. Следует также заметить, что многими современными авторами при цитировании этой книги допускается смысловая ошибка в названии: «Руководство для учащихся в начальных училищах».

Google Books позволяет увидеть, что книга А.Ф. Комарова была известна и за пределами России: три ссылки на этот труд присутствуют в коллекции редких книг по истории и культуре России XIX – начала XX века на микрофишах библиотеки Хельсинского университета (на стр. 18, 25 и 37)²⁷.

Большинство ссылок современных российских авторов на книгу А.Ф. Комарова приводятся в контексте тематики религиозного воспитания и исследований истории дореволюционной начальной, в том числе церковно-приходской, школы. В этом смысле, например, С.П. Синельников приводит суждение А.Ф. Комарова: «Главнейшими качествами,

которыми должен обладать учитель вообще и законоучитель в частности, есть религиозность, честность, любовь к делу и детям, терпение, твердость воли и настойчивость, самообладание, бдительность, аккуратность, справедливость» [36, с. 261; см. также 35]. Эти же вопросы, со ссылками на вышеуказанный труд А.Ф. Комарова, рассматриваются в диссертациях Р.В. Ященко [41], Р.Г. Прокопенко [34], А.В. Суворова [37].

В то же время отечественные исследователи творчества А.Ф. Комарова не уделили внимания тем главам «Народной школы», в которых речь идет о методических и дидактических сторонах преподавания в начальной школе математики. На наш взгляд, это очень поучительные главы. Как мы выяснили, этим вопросам было посвящено множество специальных учебных пособий, опубликованных А.Ф. Комаровым, которые были идентифицированы с помощью Google и Google Books. Например, в 1895 и 1899 гг. в Воронеже опубликован «Арифметический задачник: для начальных городских и сельских школ» А.Ф. Комарова в двух выпусках²⁸. В Воронеже в 1889 г. напечатано и его пособие «Методическое решение типических арифметических задач в начальных училищах»²⁹ (в ЦНБ ХНУ имени В.Н. Каразина хранится экземпляр этого пособия), а в 1893 г. – «Арифметический задачник для начальных городских и сельских училищ»³⁰. В этих учебных пособиях А.Ф. Комаров настоятельно рекомендовал, например, встречать в разное время курса арифметики однородные задачи. О признании методического качества пособий свидетельствует рекомендация Министерством народного просвещения России вышеуказанного воронежского пособия, которое было выпущено 7-м изданием у К.И. Тихомирова (М., 1902), для учительских библиотек низших учебных заведений в январе 1903 г.³¹. Поиск трудов А.Ф. Комарова через Google Books дает еще упоминание о пособии А.Ф. Комарова «Общепонятная арифметика для

²⁴ Журнал министерства народного просвещения. 1904. Т. 356. С. 171.

²⁵ В этом последнем издании заглавие удлинилось: Комаров А.Ф. Народная школа. Главнейшие педагогические, дидактические и методические основания школьного дела: Руководство для учащихся в начальных училищах. 5-е изд. М.: Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1914. 192 с.

²⁶ Комаров А.Ф. Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах. СПб., 1906. 192 с.

²⁷ Russian History and Culture: A Microfiche Collection of Scarce Books on 19 th and Early 20 th Century Russia from the Helsinki University Library: a Cumulative Index to Units 1 (Vol. 3). – University Microfilms International, 1996.

²⁸ Комаров А.Ф. Арифметический задачник: для начальных городских и сельских школ. Воронеж, 1895. Вып. 1. 118 с. Комаров А.Ф. Арифметический задачник: для начальных городских и сельских школ. Воронеж, 1899. Вып. 2. 121 с.

²⁹ Комаров А.Ф. Методическое решение типических арифметических задач в начальных училищах. Воронеж: Типо-лит. Юркевича, 1889. 99 с.

³⁰ Комаров А.Ф. Арифметический задачник для начальных городских и сельских училищ. 2-е изд. Воронеж, 1893.

³¹ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1903. № 1. С. 41.

самообразования» журналом «Русская школа» за 1908 год.

Прочтение арифметических глав «Народной школы» А.Ф. Комарова, принимая во внимание его многочисленные пособия и задачки по арифметике, не оставляет сомнения в том, что автор их входит в плеяду отечественных педагогов, сформировавшую в дореволюционной России высокий уровень культуры устного счета и оперирования дробями, которую еще не до конца утратило российское образование в процессе нелиберальных реформ и которой уже не встретить в «цивилизованной» западной школе.

Кроме того, мы обнаружили в Циркуляре по Харьковскому учебному округу за август 1903 г., что Министерство народного просвещения рекомендовало еще одну книгу А. Комарова, «Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообразования. СПб. 1902. стр. 44. Цена 30 коп.», для учительских библиотек низших учебных заведений и для ученических библиотек учительских семинарий, а также бесплатных народных библиотек и читален³².

Интересно, что А.Ф. Комаров, будучи выпускником отделения естественных наук физико-математического факультета Императорского Харьковского университета, пробовал писать и научно-популярные тексты о практике растениеводства. Таковы его «Простые рассказы о садоводстве, огородничестве и полеводстве»³³ – в 1885 г. вышло третье издание тиражом в 1500 экз. и продавалось по цене 45 коп.

Поиск с помощью Google Books показал, что А.Ф. Комаров во втором десятилетии XX в. являлся председателем «Общества попечения о нуждающихся учащихся в низших учебных заведениях» в Харькове – информацию об этом содержит Сборник Харьковского историко-филологического общества за 1913 г. (Том 19). Интернет также хранит подборку перепечатанных сообщений харьковских газет «Утро» и «Южный Край» от 28 и 29 апреля 1908 г. по случаю смерти Е.К. Редина, профессора Харьковского Университета. В одном из сообщений мы увидели знакомую фамилию: «29 апреля после заупокойной литургии в университетской церкви состоялось погребение профессора историко-филологического факультета Е.К. Редина. Заупокойную литургию

совершал приват-доцент университета о. Иоанн Филевский. На заупокойной литургии и панихиде присутствовали городской голова А.К. Погорелко, ... председатель Общества попечения о нуждающихся учащихся в низших учебных заведениях А.Ф. Комаров...». Из этой выдержки становится ясно, что А.Ф. Комаров в 1908 г. работал и жил в Харькове; при этом Памятная книга Воронежа за этот год содержит сведения, что он являлся действительным членом Губернской ученой архивной комиссии. Можно сделать заключение, что после ухода из Белгородского учительского института в 1905 г. (табл. 1) А.Ф. Комаров был весьма заметно включен в харьковскую и воронежскую общественную жизнь.

В отличие от сведений о профессиональной деятельности А.Ф. Комарова, мы не выявили каких-либо детальных исследований событий его частной жизни. Небольшой свет на нее проливают работы двух воронежских авторов [26; 1]. Так, В.И. Неелов сообщает, между прочим, о том, что в доме Растроповичей по ул. Нееловской Воронежа арендовал квартиру в 1899–1902 гг. Александр Федорович Комаров, известный украинский публицист [26]. (Дом на ул. Пятницкая, 54 (бывшая Нееловская, 3) сохранился до наших дней.)

Воронежская историко-культурная энциклопедия дает в статье следующие биографические сведения: «А.Ф. Комаров (псевдоним О. Степовик) родился в 1842 г. в с. Дмитровка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, умер в 1918 г. Являлся публицистом, педагогом и пропагандистом общепользных знаний. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета. Учительствовал в Ровно. С 1880-х гг. занимался педагогической деятельностью в Воронеже. Инспектор (с 1883 г.), директор (с 1898 по 1902 г.) народных училищ Воронежской губернии. Член ВГСК (Воронежский губернский статистический комитет, прим. автора статьи). С 1902 г. – директор Белгородского учительского института. Автор многих неоднократно переиздававшихся книг о садоводстве, огородничестве, полеводстве и т.п., школьных учебников по арифметике, различных учебных пособий» [21]. Узнав из этой статьи, что А.Ф. Комаров писал под псевдонимом О. Степовик, мы протестировали в Google его псевдоним и украинский вариант фамилии с инициалами (О.Ф. Комаров). В итоге мы получили большой пласт новых его печатных

³² Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1903. № 8. С. 86.

³³ Комаров А.Ф. Простые рассказы о садоводстве, огородничестве и полеводстве. Воронеж, 1885.

трудов и сведений о нем. Рассмотрим их подробнее.

В украинской Википедии размещена биографическая статья о А.Ф. Комарове, которую дадим в нашем переводе, за исключением названий изданных им трудов: «Александр Федорович Комаров (1842–1918) – украинский публицист. Псевдоним – О. Степовик. Брат Михаила Комарова. Закончил отделение естественных наук физико-математического факультета Харьковского университета, принимал активное участие в деятельности Благотворительного общества по изданию общепользных и дешевых книг для народа, возглавлял в нем украинскую секцию. Учительствовал в Ровенской гимназии, а потом в Воронеже. Автор книг «Оповідання про комах. Яка од їх користь або шкода в господарстві» (1882), «Лихі потайні хлібоїди і хлібний комарик та шведська муха» (1899), «Про городину» (1899), «Корисні звірятка (кажан, їжак та зінське щеня)» (1899; второе издание вышло 1902 г. и наз.: «Кажан, їжак та крит. Корисні звірятка»), «Про садовину та ягідні куші» (1909), «Оповідання про рослини» (1909). Своими трудами основал жанр украинской научно-художественной литературы (на наш взгляд, правильнее написать – научно-популярной литературы). Написал несколько школьных учебников – «Арифметичний, або щотний задачник, ч. 2. Прості дроби та десятичні» (1906), «Арифметика, або Щотниця задля самоосвіти й школи, ч. 1. Цілі числа» (1908) и методических пособий, которые неоднократно переиздавались».

В другой википедической статье мы можем увидеть имя А.Ф. Комарова среди наиболее употребляемых псевдонимов деятелей украинских либерально-демократических партий.

В словарной части третьего тома «Энциклопедии Украиноведения», изданной в 1959 г. в Париже и Нью-Йорке и переведенной на украинский язык в 1994 г. во Львове, даны следующие сведения о А.Ф. Комарове: «Комаров А.Ф. (псевд. О. Степовик), брат Михаила Комарова, автор книг по природоведению и сельскому хозяйству в 1882–1911 гг.»³⁴. В связи с вышесказанным, рассмотрим сначала украиноязычные труды А.Ф. Комарова природоведческого и сельскохозяйственного характера, которые нам удалось найти с помощью детального поиска в Google.

Довольно часто в сети Интернет встречаются ссылки на его труд «Оповідання про комах: яка од їх користь або шкода в господарстві», изданный в Киеве в 1882 г., объемом в 250 страниц и с 45-ю рисунками³⁵. В переводе на русский язык он называется «Рассказы о насекомых: какая от них польза или вред для хозяйства». Три экземпляра этого произведения хранятся в ЦНБ ХНУ имени В.Н. Каразина. Нами обнаружено львовское³⁶ и два Санкт-петербургских³⁷ издания брошюры «Про городину» («Об огородничестве»), которая во Львове была издана обществом «Просвіта», а в Санкт-Петербурге «Благотворительным обществом общепользных и дешевых книг». Отметим также харьковское издание 1909 г. брошюры «Про садовину та ягідні куші» («О садовых и ягодных кустарниках») ³⁸, а также брошюру «Корисні звірятка: кажан, їжак та зинське щеня»³⁹ (наш неполный перевод – «Полезные звери: летучая мышь, ежик и щенок»).

Высокая оценка задачника А.Ф. Комарова по арифметике⁴⁰ прозвучала на 15-й Международной научной конференции, посвященной памяти академика Михаила Кравчука (15–17 мая 2014, Киев). В опубликованном докладе В. Гайдея и Т. Ситник «Учебники по математике в коллекции “Педагогическая украиника 1842–1923 гг.”» было отмечено: «Интересным в методическом отношении является учебник А. Комарова (псевдоним О. Степовик, 1842–1918) “Арифметичний або щотний задачник” (Полтава, 1906), который состоит из двух частей: “Задачи на десятки” и “Задачи на сотни”. Перед разделом “Простые задачи на умножение и деление” автор пишет: “Как составляются эти задачи, пусть дети выяснят на пальцах и палочках, а про части целого необходимо предварительно уяснить с помощью

³⁵ Степовик О. Оповідання про комах: яка од їх користь або шкода в господарстві (з 45 малюнками). К.: В печатні Г.Т. Корчак-Новицького, 1882. 250 с.

³⁶ Комаров О.Ф. Про городину / Зложив О. Степовик [псевд.]. Львів: коштом і заходом Т - ва “Просвіта”. Друк. Т-ва ім. Шевченка. Під зарядом К. Беднарського, 1890. 46 с.: табл.

³⁷ Степовик О. Про городину. СПб, 1899. 56 с. Степовик О. Про городину. 2-е вид., доп. СПб: Тип. Уч-ща глухонемых, 1902. 60 с.

³⁸ Комаров О.Ф. Про садовину та ягідні куші: з 11-ма мал./ О. Степовик [псевд.]. Х.: Тип. Б. Бенгис, 1909. 32 с.

³⁹ Степовик О. Корисні звірятка: кажан, їжак та зинське щеня (крит.), 1899. 19 с.

⁴⁰ Комаров О.Ф. Арифметичний або щотний задачник / Зложив О.Степовик [псевд.]. Полтава: Вид. Книгарні Г.И. Маркевича, 1906. 178 с.

³⁴ Комаров О. (псевд. О. Степовик). Енциклопедія Українознавства. Словникова частина. Том 3. Львів, 1994.

хороших примеров. Также предлагается, в начале, пояснить ученикам значения выделенных специальным шрифтом слов, которые встречаются в задачах (неделя, полдесяток, треть и др.). В учебнике даны задачи на повторения и ответы к ним» [9, с. 66-67]. Мы также обнаружили еще одно полтавское издание (1917 г.) арифметического задачника А.Ф. Комарова на простые и десятичные дроби⁴¹.

В работе Александра Лысенко отмечается роль А.Ф. Комарова и его соратников в развитии украинского языка и пропаганде украинской книги: «Необходимо отдать должное деятелям украинского движения на Надднепрянщине (Поднепровье – В.М.). В условиях, когда легальная национальная деятельность на Украине была запрещена, они сумели объединить свои усилия и денежные средства для успешной работы петербургского “Благотворительного общества для издания общепользных и дешевых книг”, которое не только издавало большое количество украинских книг, но и стало настоящей “кузницей кадров” для будущих “Просвіт” на Надднепрянщине. В них, в частности, прошли школу легальной издательской деятельности такие деятели украинского национального движения, как Е. Чикаленко, Б. Гринченко, М. Загирная, М. Комар, О. Степовик, Корольков, Д. Дорошенко и др., что и стало залогом успешного начала деятельности украинских “Просвіт” уже непосредственно на территории Надднепрянщины во время революции 1905–1907 годов» [23]. Отметим, что позиции так называемых “мазепинцев” и концепции “украинства” в целом в то время были очень сильны не только на самой Украине, но и в Петербурге.

В 1911 г. А.Ф. Комаров участвовал в Харькове в театральной постановке комедийного произведения Василия Семеновича Мовы (Лиманского) (1842–1891) под названием «Старое гнездо и молодые птицы»⁴². Об этом относительно недавно писали Нина Бернадская [5] и В.К. Чумаченко [40]. В первой работе мы можем прочитать: «Однако чтобы поставить на сцене это произведение, его дважды приспособляют для этого путем значительного сокращения: Г. Хоткевич в 1909 г. во Львове, О. Степовик в 1911 г. в Харькове».

⁴¹ Комаров О.Ф. Арифметичний задачник. Кн. 2. Прості дроби і десяткові / Зложив О. Степовик [псевд.]. 2-е вид. Полтава: Вид. Бюро пед. полтав. губер. земства, 1917. 68 с.

⁴² Старе гніздо й молоді птахи. Комедія на 4 дії. Скоротив та до сцени прилаштував О. Степовик [О.А. Комаров]. Х.: друк. Н. Петрова, 1911. 95 с.

Мы считаем, что многогранная творческая деятельность А.Ф. Комарова, направленная на развитие украинской культуры и просвещения, нуждается в специальном изучении и детальном описании.

Опираясь на изложенное выше, мы можем пока предложить примерную траекторию профессионального передвижения А.Ф. Комарова: Харьков (обучение в ИХУ: 1865–1869); Ровно (работа учителем в гимназии: 1870–1876?); Белгород (учитель в БУИ: 1876–1883?); Воронеж (инспектор и директор народных училищ Воронежской губернии: 1883?–1902); Белгород (директор БУИ: 1902–1905); Харьков (1905-1918?). Будущие историко-архивные исследования должны помочь уточнить эту схему.

Предыдущий наш анализ показал, что А.Ф. Комаров вступил на должность директора БУИ с большим опытом учебно-методической, просветительской, издательской и чиновничьей работы. Прослужил он на этой должности ровно три года (см. табл. 1). Исходя из огромной публикационной продуктивности А.Ф. Комарова можно заключить, что во время своей работы в БУИ он написал, переработал и издал часть своих трудов. Также следует предположить, что он внедрял в учебный процесс БУИ основные положения своего главного труда «Народная школа. Руководство для учащихся в начальных училищах», а также арифметический инструментарий из учебных пособий и задачников по арифметике. Более строго это можно вывести из сопоставления времени его работы в БУИ со списком опубликованных им работ. Мы уже знаем, что в 1885 г. он опубликовал в Воронеже два своих больших труда – «Народная школа» и «Простые рассказы о садоводстве, огородничестве и полеводстве». Так как, по нашим оценкам, он проработал в Белгородском учительском институте учителем естественной истории и физики с самого учреждения института (1876 г.) до 1883 г., то следует предположить, что замысел и работа над этими двумя произведениями приходились на время его работы в институте. То же самое касается и его большого произведения о насекомых, опубликованного на украинском языке в Киеве в 1882 г. Очевидно, что любовь к украинскому языку и культуре зародилась во время его воспитания в родительском сельском доме на Украине, а позже усилилась во время его работы в Ровно с момента окончания Харьковского университета и до поступления в БУИ на должность учителя естественной истории и физики. На наш взгляд, вероятность того, что все три выше указанных крупных произведения А.Ф. Комарова, изданных в

1882 и 1885 гг., были написаны во время его работы в Ровно (1870–1876?), очень мала. Но возможно, что замысел и начало работы над ними положены во время его пребывания на Западной Украине.

Как мы выяснили, А.Ф. Комарова на посту директора БУИ в 1905 г. сменил Ф.Е. Пактовский (табл. 1)⁴³.

Федор Егорович Пактовский (1856–1922)

Узнав из официальных изданий – ЖМНП (см. табл. 1) и Циркуляра по Харьковскому учебному округу⁴⁴ – фамилию нового директора Белгородского учительского института и протестировав ее в расширенном поиске Google, мы на сайте «Генеалогической базы знаний: персоны, фамилии, хроника» нашли следующие сведения о нем: «Пактовский Федор Егорович (1856-1922) окончил Казанский университет. Действительный статский советник. Преподавал словесность в Саратовской классической гимназии. В период до 1906 г. был директором Моршанской гимназии, директором Белгородского учительского института. С 1906 г. по 1917 г. проживал в Харькове, директор второй Харьковской гимназии. Писал очерки на литературные и исторические темы. Председатель педагогического совета гимназии Черняховской. Проводил работу по эстетическому воспитанию учеников. Занимался с учащимися сценической и театральной работой, писал сценарии и пьесы для детского театра»⁴⁵.

В Электронном каталоге РГБ мы обнаружили пять трудов Ф.Е. Пактовского о творчестве Н.В. Гоголя, В.С. Гаршина и Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко⁴⁶, а также критический разбор учебника профессора Казанского университета Е.Ф. Будге по русской грамматике под названием «К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений»⁴⁷, который включен в

«Перечень материалов библиотечного хранения» из 5048 наименований, предназначенный Президентской библиотекой для оцифровки в рамках госзаказа в 2014 году. Вышеуказанные шесть публикаций Ф.Е. Пактовского вышли в Казани (пять) и Моршанске (одна публикация) в период с 1900 по 1905 год. В информационном сопровождении работ 1901-1902 гг. автор представлен преподавателем Казанского реального училища. Как следует из библиографических описаний работ об А.К. Толстом, А.П. Чехове и В.Г. Короленко, они являлись материалами чтений в Обществе любителей русской словесности памяти А.С. Пушкина при Казанском университете.

В биографической статье о Ф.Е. Пактовском, написанной Л.Я. Вороновой для хрестоматии, содержатся некоторые подробности о нем: закончил 1-ю Казанскую гимназию и историко-филологический факультет Императорского Казанского университета (1880-1884); преподавал сначала в классической гимназии в Саратове, затем, в 1899–1902 гг., в Казанском реальном училище; в Харьковский учебный округ переведен в 1902 г. на должность инспектора Моршанского реального училища; в 1906–1916 гг. был директором 2-й Харьковской гимназии [см. 8]. Как видим, в этом довольно подробном описании мест его работы отсутствует упоминание о Белгородском учительском институте. Отметим также, что в статье Л.Я. Вороновой, как и в Электронном каталоге РГБ, дата рождения (1859 г.) отличается от приведенной на сайте Генеалогического форума.

К сожалению, из сети Интернет удалена публикация беседы Дмитрия Губина, харьковского корреспондента, с правнуком Ф.Е. Пактовского Юрием Палкиным, в которой правнук подтверждал многие сведения: о директорстве в Моршанской гимназии и в БУИ, о том, что Пактовский был в числе первых прижизненных исследователей чеховского творчества. Рассказал он и о том, как в конце 1919 г., после ухода белой Добровольческой армии из Харькова, большевики превратили гимназию в обычную среднюю школу, в связи с чем Ф.Е. Пактовский перебрался в Феодосию, где тогда функционировал Учительский институт, в котором он стал председателем педагогического совета [см.: 24, с. 38]. Эти же, а также дополнительные, сведения о своем прадеде Ю.И. Палкин приводит в доступной сейчас в

замечания на учебник грамматики русского языка для средних учебных заведений проф. Казанского университета Е.Ф. Будге. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1901.

⁴³ Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1906. № 10. С. 8.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ <http://geneo.narod.ru/geneo/koleno.html>

⁴⁶ Пактовский Ф.Е. Граф А.К. Толстой и его поэтическое творчество (к 25-летию со дня смерти поэта). Казань: Типо-лит. Ун-та, 1900. Пактовский Ф.Е. Современное общество в произведениях А.П. Чехова. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1901. Пактовский Ф.Е. Идеализм в произведениях Вл. Короленко. Казань: Типо-лит. Ун-та, 1901. Пактовский Ф.Е. В день пятидесятилетия со дня смерти Н.В. Гоголя. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1902. Пактовский Ф.Е. Русские на войне по произведениям Вс.М. Гаршина и Л.Н. Толстого. Моршанск: Типо-лит. В.И. Худякова, 1905.

⁴⁷ Пактовский Ф.Е. К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений:

Интернете статье «Вторая харьковская гимназия», в которой, в частности, пишет: «Семья Федора Егоровича Пактовского была очень открытой, и ее связывали дружеские отношения с представителями интеллигенции не только в Харькове, но и в других городах России. Они были дружны с семьей Ф.М. Достоевского, с которыми их связывали кумовские отношения; семьями они часто встречались за чашкой чая у самовара в имении Пактовских в Глухове или у Достоевских в Бимери» [31]. Ю.П. Палкин отмечает, что архивы, к которым он обращался, а также печатные издания «Харьковских календарей» говорят о том, что к должности директора второй харьковской гимназии Ф.Е. Пактовский приступил в 1906 г. в звании действительного статского советника, кавалера трех орденов св. Станислава, двух орденов св. Анны и двух орденов св. кн. Владимира. Отсюда следует, что с этими регалиями он покинул пост директора Белгородского учительского института. К статье Ю.И. Палкина прикреплен портрет Ф.Е. Пактовского, опубликованный первоначально в газете «Южный край» (Харьков) в связи с 25-летием его педагогической деятельности. Памятный адрес в честь этой даты был подписан в 1909 г. Дунаевским, Ольминским, Гиршманом, Синельниковым, Кузиным, Сушковым, Оболенским, Буткевичем, Логвиненко, Кравцовым, Карпенко, Татариновым, Красновым, Халанским, Игнатовым, Ландсбергом, Берманом и другими известными харьковчанами.

Возвращаясь к трудам Ф.Е. Пактовского, мы выяснили, что его работа о творчестве А.К. Толстого цитировалась в современных диссертациях А.В. Федорова, Е.В. Барашковой и П.С. Громовой⁴⁸, а работа «Современное общество в произведениях А.П. Чехова» – в диссертациях Лю-Хуан-Син и А.Н. Шехватовой⁴⁹, а также в монографии А.Я. Кубасова [20]. Кроме этого, она вошла в уникальную антологию, составленную профессором университета Дарема

⁴⁸ Федоров, А.В. Ранняя фантастическая проза А. К. Толстого и традиции романтизма в русской прозе 40-х гг. XIX века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. Барашкова, Е.В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А.К. Толстого. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. Громова, П.С. Проза А.К. Толстого: проблемы жанровой эволюции. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011.

⁴⁹ Лю-Хуан-Син. Женские образы в прозе Чехова (в аспекте гендерной проблематики). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. Шехватова, А.Н. Мотив в структуре чеховской прозы. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

(Великобритания) Стивенем Ле Флемингом, в которой собрана прижизненная литература и театральная критика, отражающая суждения первых читателей о А.П. Чехове [22].

Помимо основных трудов Ф.Е. Пактовского, опубликованных в период с 1900 по 1905 год в Казани и Моршанске, следует выделить его брошюру о творчестве Н.В. Гоголя, опубликованную в 1909 г. в Харькове к столетию со дня рождения великого писателя⁵⁰. Эта работа была найдена, оцифрована и идентифицирована библиографами ХГНБ имени В.Г. Короленко. В связи с тем, что она была подписана инициалами Ф.Г.П., ее авторство было установлено на основе анализа литературных источников, о чем имеется запись в полном библиографическом описании этой работы в электронном каталоге ХГНБ имени В.Г. Короленко. Полный текст этой брошюры размещен на сайте www.docme.ru. С первой же страницы чтения этого труда замечаешь прекрасный слог автора: «Лучшею характеристикой чествуемого нами писателя будет то образное явление, что все критические статьи и исследования представляют собой пышный и роскошный венок великому писателю, где, конечно, одни цветы ярче, колоритнее, но за то и другие все имеют свою прелесть, необходимое место в венке, добавляя цвета, пополняя общее впечатление, служа фоном для роскошных цветов. Первый яркий цветок в венок Гоголя, без сомнения, вплетен Белинским. Объяснив впервые своим горячим, вещим словом великое значение...» [30].

При поиске в интернете по фамилии с инициалами «Пактовский Ф.Г.» вместо «Пактовский Ф.Е.» удается идентифицировать работу Л.М. Жванко [15], в которой приведен список делегатов Харьковского областного съезда Всероссийского Союза Городов по вопросу об устройстве беженцев (29 ноября – 1 декабря 1915 г.). В нем мы видим Пактовского Ф.Г. в статусе заведующего беженским отделом при Центральном педагогическом комитете.

Из всего изложенного следует, что основной вклад Ф.Е. Пактовского в науку и народное образование был сделан в те годы, когда он работал в Казани и Харькове. Но то, что он в течение четырнадцати месяцев (см. табл. 1) возглавлял Белгородский учительский институт, делает честь институту. Сразу после ухода Ф.Е. Пактовского с поста директора БУИ его

⁵⁰ Пактовский Ф.Г. Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и творчество: чтение в средней школе: к 100-летию со дня рождения великого писателя / Ф.Г.П. Харьков: Изд. кн. магазина «Нового времени» А.С. Суворова, 1909. 43 с.

место занимает другой незаурядный ученый и педагог Алексей Константинович Димитриу, переведенный в этот институт из Люблинского семиклассного коммерческого училища (см. табл. 1).

Алексей Константинович Димитриу (1857-1925)

Об Алексее Константиновиче Димитриу, служившем директором Белгородского (1906-1913 гг.) и Воронежского (1913-1918 гг.) учительских институтов, имеется очень мало сведений [4; 6; 16; 19; 27; 29; 38; 39]. Работы белгородских авторов сообщают только о факте, что он был директором Белгородского учительского института. Исключением является один текст [29], где описана подробно работа Белгородского педагогического кружка, председателем которого был А.К. Димитриу. Воронежские исследователи описывают его деятельность исключительно в Воронежском учительском институте и позднее участие в реорганизации системы народного образования в Воронеже [19; 38; 39]. Но никто из этих историков и краеведов не пишет о крупном вкладе А.К. Димитриу в российскую и мировую византистику, сделанному им в опубликованных в конце XIX в. в Одессе двух работах.

Между тем, набрав в расширенном поиске Google Scholar в строке «с точным словосочетанием» А.К. Димитриу в латинской транслитерации (как «A. Dimitriu»), среди откликов можно получить работу на французском языке, которая написана Irene Sorlin и опубликована в 1961 г. журналом «Cahiers du Monde russe et soviétique» и посвящена истории договоров Византии с Русью в X в.⁵¹ В этой статье приведена большая цитата из статьи А.К. Димитриу «К истории о договорах русских с греками»⁵². Ее же цитирует Robert Sabatino Lopez из Бруклинского колледжа в статье «Шелковая промышленность в Византийской империи», опубликованной в журнале «Speculum» в 1945 г. и размещенной в Интернете 21.02.2013 г.⁵³. Всего

⁵¹ Sorlin, I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1961. Т. 2. № 3. S. 313-360.

⁵² Димитриу А.К. К истории о договорах русских с греками // Византийский временник. 1895. Т. 2. Вып. 4. С. 531-550. В статье I. Sorlin дана латинская транскрипция и французский перевод: Dimitriu A. K. voprosu o dogovorah Russkih s Grekami (Le problème des traités des Russes avec les Grecs) // Viz. Vrem. 1895. Т. 2.

⁵³ Lopez, R.S. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. Vol. 20. P. 1-42.

эта работа А.К. Димитриу с фамилией и заголовком, данными в латинской транслитерации, цитируется в Google Scholar три раза.

Этот же поиск показывает нам и вторую работу А.К. Димитриу, «К вопросу о Historia Arcana», опубликованную в 1894 г. в составе «Летописей» историко-филологического общества Новороссийского университета⁵⁴. Это исследование упоминалось, например, в недавней работе А.В. Голубкова, где он, в частности, писал, что «в отечественной литературе сомнения в подлинности труда Прокопия сохранялись вплоть до XX в., свидетельством тому стала статья А.К. Димитриу» [10].

Расширенный поиск Google Scholar с «А. Димитриу» в строке «с точным словосочетанием» дает пять ссылок на работу о договорах русских с греками, из которых четыре ссылки релевантны⁵⁵.

Если же в строке «с точным словосочетанием» в расширенном поиске Google Books записать «Historia Arcana», и ниже «A. Dimitriu», получается семь откликов с неполными метаданными. Одна из них – статья немецкого историка Karl Klumbacher, которая была опубликована в журнале «Byzantinische Zeitschrift» (Том 14) практически сразу после выхода статьи А.К. Димитриу, в том же 1895 году. Другая ссылка дана в книге, где Karl Klumbacher выступает соавтором, вышедшей вскоре, в 1897 году⁵⁶. Пять оставшихся ссылок найдены в библиографии, подготовленной P. Thomsen и J.C. Hinrichs (Thomsen P., Hinrichs J.C. Die Literatur der Jahre 1895-1904. 2 aug. 1911 (1957)), в итальянском издании 1927 г. «Miscellanca di studi critici in onore di

⁵⁴ Димитриу А.К. К вопросу о Historia Arcana // Летопись историко-филологического общества при Императорском Новороссийском университете. IV. Визант. отд. II, Исследования. 1894. С. 258-301.

⁵⁵ Королев А.С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. М.: Прометей, 2000. Лесной С. История «русов» в неизвращенном виде. Париж, 1953. Вып. 1. Меньшиков А.В. Из истории архивов Византийской церкви X-XV вв. // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 38-48. Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю.Г. Алексеев, А.Я. Дегтярев, В.В. Пузанов. М.: Издательский дом «Парад», 2006.

⁵⁶ Klumbacher K., Ehzhard A., Gelzer H. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527-1453). 1897. 1193 s.

Vincenzo Crescini», в материалах румынских изданий «Războiul cu Gotii» (1963) и «Scriptores Byzantini» (1972, Том 8), а также в статье Gyula Moravcsik в «Byzantinoturcica» (1983, Т. 1).

При расширенном поиске Google Books с записью «К вопросу о» в строке «с точным словосочетанием», а ниже – «А. Dimitriu», получаем уже восемнадцать откликов с неполными метаданными. Это несколько статей в Вестнике архива Загреба (1908, Т. 10; 1918, Т. 20); переизданный в 1997 г. Канадским институтом украинских исследований труд М. Грушевского и его соавторов об истории Украины-Руси на английском языке; опубликованная в 1994 г. в сборнике трудов международного коллоквиума, проходившего в университете Льежа «Voyages et Voyageurs à Byzance et en Occident du VIe au XIe Siècle» статья F.J. Thomson «Communications Entre Greks Et Russes»; монографии Franz Dölger «Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565-1453» (1924) и Robert Sabatino Lopez «Byzantium and the world around it: economic and institutional relation» (1978).

Записав в строке «с точным словосочетанием» в расширенном поиске Google Books «К вопросу о договорах», а ниже – «Димитриу», мы получили 14 откликов, обладающих, сравнительно с тестированием латиноязычных названий и имен, более полным перечнем метаданных. В откликах встречается немало трудов советских и российских историков государства, права, дипломатии, литературы и т.п.⁵⁷. В частности,

⁵⁷ Каштанов С.М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1998. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Изд. АН СССР, 1956. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. М.: Социум, 2004. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. Кочин Г.Е. Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. Романдовская В.А., Салмина М.А., Творогов О.В. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованной в России в 1998-2002 гг. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.: Изд. «Индрик», 2009. Очерки феодальной России: Сборник статей / Ред. С.Н. Кистерова. М.: УРСС, 1998. Вып. 2. Договоры Руси с Византией X в. // Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства / Сост. А.А. Зимин. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1952. Брайчевский М.Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860-863 гг.) // Советский ежегодник

Карышковский П.О. в статье, опубликованной в сборнике «Очерки феодальной России» (под редакцией С.Н. Кистерова), обращает внимание на обоснование А.К. Димитриу гипотезы о следовании процедуры русско-византийских переговоров и заключения договора в 971 г. образцу греко-персидских переговоров 561 г., описанной у Менандра.

Расширенный поиск в Google, кроме источников, идентифицированных ранее с помощью Google Scholar и Google Books, дает ссылки на новые издания, в которых упоминаются работы А.К. Димитриу⁵⁸. Так, статья В. Горячева предлагает экскурс в историю проблемы русско-византийских дипломатических отношений. В этой работе обзор начинается с первых российских историков – В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова – которые излагали содержание договора с греками 911 г. без всяких комментариев. Первым сравнил этот договор с византийско-персидским договором 562 г. Н.М. Карамзин, и, в развитие его наблюдений, М.П. Погодин считал договор 911 г. написанным в византийской канцелярии, а затем переведенным на русский язык. Н.А. Лавровский вновь обращается к идее сравнительного анализа соглашения 911 г. и других международных соглашений раннего средневековья, в частности, Менандра греко-персидского договора. Идеи Н.А. Лавровского и И.И. Срезневского о сравнительном анализе международных договоров раннего средневековья существенно влияли на изучение русско-византийских документов 911 и 944 гг. в середине века в работах С.М. Соловьева, С.А. Геденова, М.С. Грушевского, В.О. Ключевского. Новый этап в изучении русско-византийских договоров 911 и 944 гг.,

международного права, 1982. М.: Наука, 1983. Том 23. С. 276-297.

⁵⁸ Горячев В. Великокняжеская власть в договорах русских с греками X века // Юридическая мысль. 2008. № 4. С. 11-20. Наумов Д.Б. Влияние Византии на формирование и развитие государства Киевской Руси. Киров: Аверс, 2011. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М.: Наука, 1996. Жаворонков П.И., Литаврин Г.Г. Византийская цивилизация в освещении российских ученых. Т.1 (1894-1927). М.: Ладомир, 1999. Александров Е. Правен статут на заграничните българи през Средновековието: 681-1396 г. // Население. 1993. № 2. С. 40-48. Куприна Н.Ю. Роль княжеского совета в системе управления Киевской Руси // Мир юридической науки. 2010. № 12. С. 35-38.

считает В. Горячев, связан с публикацией статьи А.К. Димитриу «К вопросу о договорах русских с греками» в 1895 г. и книги А.В. Лонгинова «Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке» в 1904 г. В. Горячев пишет, что А.К. Димитриу впервые высказал мысль о том, что русско-византийский договор 911 г., скорее всего, был типичным хрисовулом византийского императора. Димитриу пришел к этому выводу, основываясь на исследованиях византиниста К. Неймана, проанализировавшего договоры Византии с итальянскими Венецией и Пизой и первым заметившего, что в X-XII вв. в соглашениях Византии с иностранными государствами перечислялись лишь ее обязательства, обязательства же другой стороны упоминались в общих чертах. Эти договоры, говорящие от лица империи, получили торжественное оформление хрисовула. Другим источником явилось для А.К. Димитриу упомянутое греко-персидское соглашение 561 года. Эти документы А.К. Димитриу назвал «типическими» для византийской дипломатии и оценил русско-византийские договоры X века с этих позиций, увидев в них проявление «византийской дипломатической рутины». Договоры предстали в качестве копий со вторых экземпляров, подписанных греческой стороной, переведенных с греческого и переданных русской стороне [12].

Д.Б. Наумов, рассматривая труд А.К. Димитриу, отмечает справедливость структурного анализа «греческого историка XIX в. А. Димитриу» и обращает внимание на выделенную в этой работе особо торжественную процедуру ратификации договора 944 г. [25]. В качестве замечания к работе Д.Б. Наумова отметим, что А.К. Димитриу является российским историком с румынскими корнями.

Подтверждением классического характера труда А.К. Димитриу «К истории о договорах русских с греками» стало переиздание его в сборнике трудов «Византийская цивилизация в освещении российских ученых» в 1999 г.⁵⁹

Итак, мы показали, что ученые византинисты России, Великобритании, Германии, Франции, Румынии, Хорватии,

Болгарии и других стран признали его вклад в византинистику. Всего мы идентифицировали 38 ссылок на два труда А.К. Димитриу, которые для наглядности распределили по 15-летним интервалам времени (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение ссылок на два труда А.К. Димитриу, опубликованных в 1894-1895 гг.

Table 2

Distribution of links to Dimitriu' two works published in 1894-1895.

Интервал времени / Interval	Количество ссылок / Number of links
1895-1909	3
1910-1924	2
1925-1939	2
1940-1954	3
1955-1969	5
1970-1984	5
1985-1999	8
2000-2014	9
Всего / Total	38

Таблица показывает с очевидностью, что ссылки на труды А.К. Димитриу, появившись сразу после их публикации, постоянно растут с тех пор.

Кроме двух трудов по византистике, А.К. Димитриу написал и опубликовал в 1895 г. в Одессе обширное учебно-методическое руководство по географии⁶⁰, которым он пользовался, по данным наших дополнительных изысканий, в преподавании географии в женских гимназиях.

Заключение

Таким образом, используя официальные издания Министерства народного просвещения, Виленского и Харьковского учебных округов, а также глубокий поиск в Google, мы описали в этой статье творческую деятельность четырех дореволюционных директоров Белгородского учительского института, причем двое из них – Комаров А.Ф. и Пактовский Ф.Е. – не входили в предыдущую историческую хронологию директоров этого института.

⁵⁹ Димитриу А.К. К вопросу о договорах русских с греками // Жаворонков П.И., Литаврин Г.Г. Византийская цивилизация в освещении российских ученых. Т. 1. (1894-1927). М.: Ладомир, 1999. С. 112-131

⁶⁰ Димитриу А.К. География как учебный предмет: опыт историко-дидактического руководства в преподавании географии: основные понятия из математической и физической географии. Одесса, 1895. 166 с.

Таблица 3

Творческий вклад директоров БУИ в науку и просвещение

Table 3

The creative contribution of directors of Belgorod teachers' institute in science and education

Фамилия И.О. (годы жизни) / Surname and initials (years of life)	Высшее образование / Professional education	Годы работы в БУИ / Years of work in the BUI	Творческий вклад / The creative contribution
Рощин П.Е. (1833? – 1903)		1876–1878	Соредактор и редактор Виленского вестника (1866–1870); 126 страниц отчетов и предложений, опубликованных в Циркулярах по Виленскому учебному округу за 1872, 1873 и 1875 гг. (в должности директора народных училищ Могилевской губернии). Основной труд автора «Очерк главнейших практических положений педагогики, дидактики и методики, применяемый к учебным предметам начального образования» выдержал 12 изданий (1871–1907)
Комаров А.Ф. (1842–1918)	Выпускник физико-математического факультета Императорского Харьковского университета 1869 г.	Учитель естественной истории и физики: 1876–1883? Директор: 1902–1905	Автор большого количества книг и брошюр на русском и украинском языке по природоведению и сельскому хозяйству (1882–1911). Автор большого количества задачник и учебных пособий на русском и украинском языке по арифметике (1889–1917). Основной труд автора «Народная школа. Руководство для учащихся в народных училищах» (Москва, 1889–1914, пять изданий; Воронеж, 1885 г., СПб, 1906 г.). В 1911 г. участвовал в Харькове в театральной постановке комедийного произведения В.С. Мовы (Лиманского) «Старое гнездо и молодые птицы».
Пактовский Ф.Е. (1856-1922)	Выпускник историко-филологического факультета Императорского Казанского университета 1884 г.	1905–1906	Четыре работы, посвященные творчеству А.К. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и Н.В. Гоголя (Казань, 1900–1902). «Русские на войне по произведениям Вс.М. Гаршина и Л.Н. Толстого» (Моршанск, 1905). Труд, посвященный жизни и творчеству Н.В. Гоголя (Харьков, 1909).
Димитриу А.К. (1857–1925)	Выпускник историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета 1890 г.	1906–1913	Два классических труда по византистике, опубликованные в Одессе в 1894–95 гг. «География как учебный предмет. Опыт методико-дидактического руководства к преподаванию географии: основные понятия из математической и физической географии» (Одесса, 1895).

Как видим, все директора внесли весомый вклад в просвещение и развитие народного образования в пределах Варшавского, Виленского, Казанского, Одесского и Харьковского учебных округов; при этом А.К. Димитриу являлся известным византистом, А.Ф. Комаров – известным украинским публицистом, а Ф.Е. Пактовский – известным литературным критиком.

Естественно, что образовательные традиции этих пяти учебных округов не могли не отразиться на характере и особенностях развития обучения в БУИ. Можно выдвинуть и более сильную гипотезу о том, что традиции образования разных по своим социокультурным особенностям учебных округов могли повлиять на выработку и собственных мультикультурных традиций БУИ: П.Е. Рощин долгое время

проработал в Литве и Белоруссии; А.К. Димитриу родился в Бессарабии, учился и работал в Одессе, позднее – в Польше; А.Ф. Комаров родился в Малороссии, учился в Харькове, работал на Западной Украине, Ф.Е. Пактовский родился в Поволжье (Татарстане), учился и работал в Казани. Здесь мы привели сведения по местам воспитания, университетского обучения и работы до занятия этими личностями поста директора БУИ.

Обобщенные данные по творческим вкладам четырех директоров БУИ сведены в таблицу 3.

Имена всех четырех, рассмотренных в этих очерках, дореволюционных директоров Белгородского учительского института достойны увековечивания в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, особенно в период празднования его 140-летия в 2016 г.

Автор благодарит к.и.н. Александра Николаевича Акиньшина из Воронежа за присланную статью О.Г. Ласунского из "Воронежской историко-культурной энциклопедии", к.и.н., директора музея НИУ "БелГУ" Ирину Викторовну Денисову за ссылку на Ф.Е. Пактовского как директора БУИ и к.х.н. Наталию Николаевну Скворцову из Санкт-Петербурга за некоторые сведения из семейного архива А.К. Димитриу.

Литература

1. Акиньшин, А.Н. Воронежские корни Ростроповичей [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-06a.htm> (дата обращения 15.06.2016).
2. Аксентьева, Е.А. История становления педагогического образования в провинции во второй половине XIX – начале XX века: на примере Зауралья // Концепт. 2014. № 53. С. 1–7.
3. Аминов, Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII века – до 1917 года. М.: Наука, 2006. 346 с.
4. Базелеева, В.А. Библиотеке Белгородского государственного университета 125 лет // Научные и технические библиотеки. 2001. № 12. С. 94–98.
5. Бернадська, Н. «Старе гніздо й молоді птахи»: пошуки нової форми // Вісник Маріупольського державного гуманітарного університету. Сер. Філологія. 2009. № 2. С. 12–20.
6. Болгова, А.М. К истории учреждения Белгородского учительского института // Научные ведомости БелГУ. Сер. Педагогика. 2002. № 2 (17). С. 239–249.
7. Виленский вестник // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1892. Том VI. С. 325–326.
8. Воронова, Л.Я. Патковский Ф. Е. // Русская литература в восприятии казанской интеллигенции.

Учебн. пособие: хрестоматия. Казань: КФУ, 2013. С. 359–360.

9. Гайдей, В.О., Ситнік, Т.І. Підручники з математики у колекції «Педагогічна україніка 1842–1923 рр.» Педагогічного музею України // П'ятнадцята міжнародна наукова конференція ім. акад. Михайла Кравчука, 15–17 травня 2014 р., Київ: Матеріали конф. Т. 4. Історія та методика математики. К.: НТУУ «КПІ», 2014. С. 66–67.

10. Голубков, А.В. Поэтика анекдота во французской литературе и историографии XVII века // Ученые записки института УНИК. Вып. 2. М.: Согласие, 2011. С. 82–146.

11. Гончаров, М.А. Научно-педагогическая и методическая литература и ее роль в формировании научного потенциала российского учителя второй половины XIX – начала XX вв. (из собрания научно-педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского). Статья первая // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 60–67.

12. Горячев, В. Великокняжеская власть в договорах русских с греками X века // Юридическая мысль. 2008. № 4. С. 11–20.

13. Димитриу, А.К. К истории о договорах русских с греками // Византийский временник. 1895. Т. 2. Вып. 4. С. 531–550.

14. Долбилов, М.Д. Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае империи: практика перевода (1860–1870-е гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1 (3). С. 40–60.

15. Жванко, Л.М. Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали (1914–1918 рр.). Х.: ХНАМГ, 2009. 360 с.

16. Истории вуза страницы листая... / сост. Н.И. Руднева; отв. ред. Н.В. Камышанченко. Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. 246 с.

17. Колпачева, О.Ю. Становление и развитие женского гимназического образования в пореформенной России: Конец 50-х – 70-е годы XIX в. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Ставрополь, 1999. 144 с.

18. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.

19. Кривотулова, Е.В. Развитие педагогического образования и педагогической науки в Воронежском университете // Материалы межрег. науч.-практ. конф. «Роль классических университетов в педагогическом образовании». Воронеж: ВГУ, 2003. С. 53–59.

20. Кубасов, А.Я. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

21. Ласунский, О.Г. Комаровы, деятели украинской культуры и литературы // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. 2-е изд. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. С. 253.

22. Ле Флеминг, С. Господа критики и господин Чехов. Антология. СПб., М.: Летний сад, 2006. 672 с.

23. Лисенко, О. Просвітянський рух на Наддніпрянщині в 1905–1919 роках // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2010. № 19. С. 516–521.

24. Московкин, В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2014. № 2 (2). С. 29-41. DOI: 10.18413 /2408-932X-2014-1-2-29-41.

25. Наумов, Д.Б. Влияние Византии на формирование и развитие государства Киевской Руси. Киров: Аверс, 2011. 192 с.

26. Неелов, В.И. Нееловщина. Т. 1: Материалы к истории рода Нееловых. Часть 2. Ярославль: «Индиго», 2013. 600 с.

27. Нерубенко, М. В учительстве начало всех начал: к 135-летию Белгородского учительского института // Наш Белгород. 10 декабря 2011.

28. Об открытии учительского института в Белгороде // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1877. Часть 189. Отд. 4. С. 65-67.

29. От учительского института к государственному университету. Белгород: Изд-во БелГУ, 1996. 107 с.

30. Пактовский, Ф.Г. Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь и творчество: чтение в средней школе: к 100-летию со дня рождения великого писателя / Ф.Г.П. Харьков: Изд. кн. магазина «Нового времени» А.С. Суворина, 1909. 43 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.docme.ru/doc/264351/paktovskij-f.-g.-nikolaj-vasil._evich-gogol._-ego-zhizn._-de... (дата обращения: 15.06.2016).

31. Палкин, Ю.И. Вторая харьковская гимназия // Science & Technology. Избранные материалы. Наша история. 07/31/2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.science-techno.ru/nt/article/vtoraya-kharkovskaya-gimnaziya?page=show> (дата обращения: 17.07.2016).

32. Патлань, Ю., Лимарев, А. Певец меловых круч // Наш Белгород. 14 декабря 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nbgazeta.ru/imena-belgorodchiny/94-1481/pevec-melovyh-kruch> (дата обращения: 15.06.2016).

33. Пашков, А.А. Свято-Успенский Далматовский монастырь / под ред. Емельянова Н.Ф. Шадринск: ПО «Исеть», 2000. 415 с.

34. Прокопенко, Р.Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX века (на примере Ставропольской губернии). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. Пятигорск, 2011. 200 с.

35. Синельников, С.П. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года // Портал Богослов.Ру 26 августа 2009 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/453126.html> (дата обращения: 15.06.2016).

36. Синельников, С.П. Роль законоучителя в религиозном образовании и воспитании детей в дореволюционной школе (по материалам журнальной

периодики) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 257-267.

37. Суворова, А.В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях: начало XX в. – 1914 г. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история. Челябинск, 2012. 191 с.

38. Чернобаева, Т.Н. К истории педагогического образования: Воронежский учительский институт (1913-1918) // Человек и общество: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: ВГПУ, 2010. Вып. 9. С. 54-58.

39. Чернобаева, Т.Н. У истоков высшего педагогического образования в Воронежской губернии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Специальный выпуск. С. 66-69.

40. Чумаченко, В.К. И западет в сердца живые... // Кубанский писатель. 2012. № 1. С. 2-3. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://sites.google.com/site/sprosia/home/2012/anvar/cum-acenko_mova (дата обращения: 15.07.2016).

41. Ященко, Р.В. Развитие церковно-приходских школ России (вторая половина XIX – начало XX века). Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования. Волгоград, 2005. 181 с.

References

1. Akin'shin, A. N. *The Voronezh Roots of Rostropovich Family* [Online] URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-06a.htm> (date of access: June 15, 2016). (in Russ.)

2. Aksent'eva, E. A. The History of Teacher Education in the Province in the Second Half of 19th – Early 20th Century: the Example of Zauralye. (in Russ.) *Koncept*, No. 53 (2014). Pp. 1-7.

3. Aminov, T. M. *History of Vocational Education in Bashkiria. Beginning of the 17th Century – until 1917*. Moscow: Nauka, 2006. 346 p. (in Russ.)

4. Bazeleeva, V. A. Belgorod State University Library is 125 years. (in Russ.) *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*, No. 12 (2001). Pp. 94-98.

5. Bernadska, N. "The Old Nest and Young Birds": Search for a New Form ["Stare gnizdo y molodi ptakhi": poshuki novoy formy] (in Ukr.) *Vestnik of Mariupol State University. Series Philology*, No. 2 (2009). Pp. 12-20.

6. Bolgova, A. M. On the History of the Foundation: Belgorod Teachers' Training Institute. (in Russ.) *BelSU Scientific Bulletin. Pedagogy*, No. 2 (17) (2002). Pp. 239-249.

7. Vilensky Gazette [Vilenskiy Vestnik]. *Brokgauf F. A., Efron I. A. The Encyclopaedic Dictionary*, Vol. VI. St. Petersburg, 1892. Pp. 325-326. (in Russ.)

8. Voronova, L. Ya. Patkovskiy F. E. *Russian Literature in the Perception of the Kazan Intellectuals*. Kazan: KFU, 2013. Pp. 359-360. (in Russ.)

9. Gaidei, V. O. and Sitnik, T. I. Textbooks of Mathematics in the Collection "Pedagogically Ukrainika 1842–1923" in Pedagogical Museum of Ukraine (in Ukr.) *Fifteenth International Conference named after Acad. Kravchuk, May 15–17, 2014, Kyiv: Materials of Conf.*

Vol. 4. The History and a Technique of Mathematics. Kyiv: NTUU "KPI", 2014. Pp. 66-67.

10. Golubkov, A. V. Poetics of Anecdote in French Literature and Historiography of the 17th Century (in Russ.) *Uchenye zapiski instituta UNIK*, Iss. 2. Moscow: Soglasie, 2011. Pp. 82-146.

11. Goncharov, M. A. Scientific-pedagogical and Methodological Literature and its Role in the Formation of the Scientific Potential of the Russian Teachers of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries (from the Collection of Scientific and Pedagogical Library Named after K. D. Ushinsky). Article One. (in Russ.) *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, No. 1 (2012). Pp. 60–67.

12. Goryachev, V. The Power of Grand Dukes in the Russian Treaties with the Greeks of the Tenth Century. (in Russ.) *Legal Thought*, No. 4 (2008), St. Petersburg. Pp. 11-20.

13. Dimitriou, A. K. On the History of the Russian Treaties with the Greeks. (in Russ.) *Vizantiyskiy vremennik*, Vol. 2, Iss. 4 (1895). Pp. 531-550.

14. Dolbilov, M. D. The Russian-speaking Catholic Service in the Western Province of the Empire: Practice of Translation (1860–1870) (in Russ.) *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, No. 1(3) (2008). Pp. 40–60.

15. Zhvanko, L. M. *Refugee Status in the First World War in Ukraine. Documents and Materials (1914–1918)*. Kharkiv: HNAMG, 2010. 360 p. (in Ukr.)

16. *Flipping through a Pages of University's History...* Ed. by N. I. Rudneva and N. V. Kamyshanchenko. Belgorod: Publishing house BSU, 1999. 246 p. (in Russ.)

17. Kolpacheva, O. Yu. *Formation and Development of Female Secondary Education in the Post-reform Russia: The end of the 50s–70s of 19th century*. PhD Diss. in Pedagogical Sciences. Stavropol, 1999. 144 p. (in Russ.)

18. Komzolova, A. A. *Policy of the Autocracy in the Northwest Region in the Era of the Great Reforms*. Moscow: Nauka, 2005. 383 p. (in Russ.)

19. Krivotulova, E. V. The Development of Teacher Education and Pedagogical Science in Voronezh University. (in Russ.) Paper presented at the interregional scientific-practical conference "The Role of Classical Universities in Teacher Education", Voronezh: VSU, 2003. Pp. 53-59.

20. Kubasov, A. Ya. *Anton Chekhov's Prose: the Art of Stylization*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 1998. 399 p. (in Russ.)

21. Lasunskiy, O.G. Komarovs – Figures of Ukrainian Culture and Literature. *Voronezh Historical-Cultural Encyclopedia. Persons*. 2nd ed., Voronezh, 2009. P. 253. (in Russ.)

22. Le Fleming, S. *Lords of Criticism and Overlord Chekov. Anthology*. St. Petersburg, Moscow: Letniy sad, 2006. 672 p. (in Russ.)

23. Lysenko, O. The Educational Movement in Dnieper Region in 1905-1919 years. (in Ukr.) *Ukraine: Cultural Heritage, National Consciousness, Statehood*. No. 19 (2010). Pp. 516–521.

24. Moskovkin, V.M. Belgorod Pedagogical Institute: the Directors, Teachers and Graduates (in Russ.) *Research*

Result. "Social and Human Studies" Series. No. 2 (2014). Pp. 29-41. DOI: 10.18413/2408-932X-2014-1-2-29-41

25. Naumov, D. B. *Byzantine Influence on the Formation and Development of the State of Kievan Rus'*. Kirov: Avers, 2011. 192 p. (in Russ.)

26. Neelov, V. I. *Neelovshchina. Vol. 1: Materials for the History of the Neelovs Family*. Part 2. Yaroslavl: "Indigo", 2013. 600 p. (in Russ.)

27. Nerubenko, M. The Teacher is the Beginning of All Beginnings: the 135th Anniversary of the Teachers' Training Institute, Belgorod. (in Russ.) *Nash Belgorod*. December 10, 2011.

28. On the Opening of the Teachers' Institute in Belgorod (in Russ.) *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya [Ministry of National Education Magazine]*, Part 189 (1877). Dep. 4. Pp. 65-67.

29. *From the Teachers' Training Institute to State University*. Belgorod: BelGU, 1996. 107 p. (in Russ.)

30. Paktovsky, F. G. *Nikolai Vasilyevich Gogol. His life and work: Reading in High School*. Kharkiv: Publishing of Bookstore A. Suvorin's «Novoe vremya», 1909. 43 p. (in Russ.) [Online] URL: http://www.docme.ru/doc/264351/paktovskij-f.-g.-nikolaj-vasil._evich-gogol._-ego-zhizn._-de... (date of access: June 15, 2016).

31. Palkin, Yu. I. Second Kharkov Gymnasium (in Russ.) *Science & Technology*. 07/31/2013. [Online] URL: <http://www.science-techno.ru/nt/article/vtoraya-kharkovskaya-gimnaziya?page=show> (date of access: July 17, 2016).

32. Patlan, Yu. and Limarev, A. A Singer of the Chalky Hills. (in Russ.) *Nash Belgorod*. December 14, 2013. [Online] URL: <http://nbgazeta.ru/imena-belgorodchiny/94-1481/pevec-melovyh-kruh> (date of access: June 15, 2016).

33. Pashkov, A. A. *Holy Assumption Monastery Dalmatovskoye*. Shadrinsk: "Iset", 2000. 415 p. (in Russ.)

34. Prokopenko, R. G. *Parish Schools in Primary Public Education in Russia in the 19th – Early 20th Century (on Example of the Stavropol Province)*. PhD Diss. in Historical Sciences. Pyatigorsk, 2011. 200 p. (in Russ.)

35. Sinelnikov, S. P. The Teaching of God's Law in the Educational Institutions of Russia until 1917 (in Russ.) *Bogoslov.Ru* August 26, 2009. [Online] URL: <http://www.bogoslov.ru/text/453126.html> (date of access: June 15, 2016).

36. Sinelnikov, S. P. The Role of the Catechist in the Religious Education and Upbringing of Children in Pre-Revolutionary School (Based On Materials of Magazine Periodic) (in Russ.). *The Humanities and social sciences*. No. 3 (2010). Pp. 257-267.

37. Suvorova, A. V. *The Development of Primary Education in the Orenburg and Ufa Provinces: The Beginning of the 20th Century – 1914*. PhD Diss. in Historical Sciences. Chelyabinsk, 2012. 191 p. (in Russ.)

38. Chernobaeva, T. N. On the History of Teachers' Education: Voronezh Teachers' Training Institute (1913-1918) (in Russ.). *A Man and Society: Past and Present*. Voronezh: VGPU, Iss. 9 (2010). Pp. 54-58.

39. Chernobaeva, T. H. At The Source of the Higher Pedagogical Education in Voronezh Province (in Russ.). *Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Ser. Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sotsiokinetika*. Vol. 13 (2007). Special Issue. Pp. 66-69.

40. Chumachenko, V. K. And will sunk down into the living hearts ... [I zapadut v serdtsa zhivye...] (in Russ.). *Kubansky pisatel*, No. 1 (2012). Pp. 2-3. [Online] URL: https://sites.google.com/site/sprosia/home/2012/anvar/cumacenko_mova (date of access: June 15, 2016).

41. Yaschenko, R. V. *Development of the Parish Schools in Russia (Second Half of 19th – Early 20th Century)*. PhD Diss. in Pedagogical Sciences. Volgograd, 2005. 181 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики института экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vladimir M. Moskovkin, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of World Economy, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 30:37

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-44-47

Лауфер К. М.

**ОПЫТЫ ПО ДИДАКТИКЕ НЕПРОФИЛЬНЫХ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН**

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова,
Трубецкая ул., д. 8, стр. 2, Москва, 119991, Россия. E-mail: klaufer@yandex.ru

Аннотация

Автор статьи выносит на суд читателей свое понимание современной организации процесса работы в аудитории, сформированное на основе обобщения личного опыта преподавания в вузах непрофильных философских, эстетических и экономических дисциплин общеобразовательного цикла. Теоретическую основу размышлений составляют достижения развивающей педагогики, в первую очередь – концепция деятельностного обучения и понятие мышления, как его развивал Э.В. Ильенков. Сформулированы три задачи развивающего обучения; рассмотрено различие составляющих понятия компетенции от триады «знания – умения – навыки»; подчеркивается ключевое значение личности преподавателя в процессе кросс-предметного преподавания.

Ключевые слова: авторитарное обучение; деятельностное обучение; дидактика; задачи обучения; «ЗУН»; Ильенков; компетенции; кросс-предметное преподавание; личность преподавателя; мышление.

Laufer K. M.

**ESSAYS ON DIDACTICS OF NON-CORE COMPREHENSIVE
DISCIPLINES**

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, 8-2 Trubetskaya st., Moscow, 119991,
Russia. E-mail: klaufer@yandex.ru

Abstract

The article gives the summarized author's personal experience of teaching non-core comprehensive disciplines (philosophical, ethical, and economic), based on the conception of activity learning and thinking concepts as it developed by E.V. Ilyenkov. Three objectives of developing education are formulated. Difference between the concept of the competence and the triad of ZUN («znaniya [knowledge] – umeniya [skills] – navyki [attitude]») were highlighted. The key importance of the teacher personality in the process of cross-subject teaching is emphasized.

Keywords: authoritarian teaching; activity teaching; didactics; learning objectives; "ZUN"; Ilyenkov; competence; cross-subject teaching; personality of the teacher; thought.

Чему и как учить, каких результатов требуется достигнуть в процессе обучения, и в какой последовательности для этого необходимо излагать материал – эти, составляющие каркас процесса обучения дидактические проблемы, сформулированы еще в «Великой дидактике» Яна Амоса Каменского [3] и в целом таковыми и остаются. Однако сегодня, в эпоху интернета, социальных сетей и массовой доступности практически любой информации требуется их переосмысление и конкретизация в соответствии с условиями быстро меняющегося мира и распространения цифровых технологий во всех сферах человеческой жизни.

Выработка методики обучения тесно связана с пониманием того, что такое мышление. «Школа должна учить мыслить!». Под этим лозунгом Э.В. Ильенков понимал задачу серьезного диалектического подхода к процессу обучения как разрешения действительных жизненных противоречий, поставленных учителем перед учениками [2]. Это предполагает развитие конкретного, деятельностного мышления в процессе деятельностного обучения.

Мышление (сознание) есть феномен чисто человеческий, это идеальная сторона деятельности общественного человека по формам внешнего мира для удовлетворения

потребностей, сформированных в процессе труда (в самом широком смысле и в его конкретной исторической форме) и выходящих за границы его биологического тела. То есть, мышление – это и есть эта деятельность, воспринимаемая самим субъектом деятельности (в акте самосознания) или другими людьми, или объективация этой деятельности в артефактах и институтах человеческой деятельности, которая превращается в факты общественного сознания.

Задача деятельностного обучения – развить навыки ориентировочно-познавательной деятельности (П.Я. Гальперин [1], Н.Ф. Талызина [4]). Это очень напоминает поисково-ориентировочную деятельность животных. У них также есть процесс обучения молодняка (через натаскивание и игру). Разница в том, что животное никогда не выходит за рамки физиологических потребностей своего вида (есть, спать, размножаться, поддерживать условия жизнедеятельности и безопасность особей своего вида). За этого отвечает его психика, так же как и у человека. Но ни одно животное не может выйти за рамки тех действий, которые определяются видовым набором безусловных и условных рефлексов и морфологией его тела. Животное, даже с высокоразвитой психикой, действует по контурам внешнего мира, реагируя (иногда очень сложно) даже не на явление, а только на видимость, поскольку явление предполагает сущность. Познать явление – это увидеть конкретный факт во взаимосвязях и взаимообусловленности с другими явлениями. Это шаг к познанию сущности, то есть конкретной диалектике становления и развития предмета через его внутренние противоречия. Это есть специфическая особенность человека, только ему присущая. И именно этому человек учится, становясь человеком в подлинном смысле слова.

Авторитарная педагогика нацелена на «натаскивание», на заучивание и запоминание огромного количества часто не связанных между собой фактов. В таком обучении происходит формирование устойчивых синапсов условного рефлекса: раздражение – реакция. По сути, они ничем не отличаются от условных рефлексов животного. И так же как животное не может выйти за рамки, заданные ему природой, ученик не может выйти за рамки заданной ему учителем ответной реакции на воздействие (вопросы) внешнего мира.

«При школьном обучении, – пишет Н.Ф. Талызина, признанный авторитет в области психологии образования, – ученику в лучшем

случае задается состав признаков, на которые следует ориентироваться (через определение), но не всегда обеспечивается ориентировка на них в процессе деятельности. Поэтому эти признаки не всегда входят в состав ориентировочной основы. Учащиеся конструируют сами ориентировочную основу, включая в нее, прежде всего, те характеристики предмета, которые лежат на поверхности. Вследствие этого обобщение идет не по признакам определения, а по случайным, несущественным. Наоборот, как только система необходимых и достаточных признаков вводится в состав ориентировочной основы действия и обеспечивается систематическая ориентировка на них и только на них при выполнении всех предлагаемых заданий, обобщение идет по данной системе свойств» [4, с. 77-78].

Мозг не сосуд, куда заливается содержимое – знание, и не *tabula rasa*, на которой преподаватель «пишет свои знаки». Пассивное обучение исходит из непонимания мышления как специфически человеческого атрибута. Это приводит к тому, что ученик (студент) может использовать, как правило, только предложенные преподавателем алгоритмы и когнитивные технологии. Малейшее изменение условий, чуть-чуть другая формулировка проблемы ставит ученика в тупик.

Только формируемые умения и навыки находить и разрешать в ходе практической деятельности противоречия реальной жизни с применением полученных знаний в ходе познания и преобразования окружающего мира, т.е. конкретно, формирует мышление как специфически человеческую потребность, как потребность, выходящую за рамки физиологической животной потребности. За это отвечает лежащая в основе всякого действительного обучения триада традиционной, и в первую очередь, советской педагогики – «знания–умения–навыки» (ЗУН).

Специфика теоретико-познавательной и образовательной деятельности в процессе обучения ученика в том, что мозг как инструмент настраивается на работу со слабыми сигналами, не подкрепленными насущной практической потребностью. Отсутствие навыков активной ориентировочно-образовательной деятельности отражается в нейронных структурах мозга так, что алгоритмы и когнитивные технологии воспринимаются как необязательные, несущественные, закрепляются непрочно. Процесс забывания невостребованных знаний – это процесс дезактивации и разрушения

сформированных в результате теоретико-образовательного процесса слабых синапсов.

Сегодня успех преподавателя непрофильных общеобразовательных дисциплин в технических, медицинских, художественных учебных заведениях определяется тем интересом к области излагаемого материала и теми навыками его обобщения и анализа, которые остаются у студентов, «когда все выученное забыто». Это объективный критерий. Субъективным критерием можно считать то, что ученики через много лет, будучи признанными мастерами своего дела, с радостью встречают своего учителя-общественника, не забыв его имени-отчества и примечательных моментов учения.

Для этого преподаватель должен сконцентрироваться на трех взаимосвязанных задачах.

Во-первых, выработку у учащихся потребности в знаниях – это главное.

Во-вторых, развитие заинтересованности в предмете преподавания.

В-третьих, формирование у учащихся понимания логики последовательности этапов обучения (их необходимости).

Однако «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». А как его сделать, как добиться результатов по сформулированным задачам? Задачи эти взаимосвязанные, и только в абстрактном анализе их выполнение можно разделить на отдельные составляющие.

Для решения первой задачи необходимо четкое определение цели курса, того, что в конце обучения студент должен получить, даже не получить, нет, а выработать и усвоить своим собственным трудом (!) с помощью преподавателя. Эту цель необходимо донести до учеников и постоянно на каждом занятии сверяться с ней – на правильном ли мы пути и насколько продвинулись вперед. Здесь важно подчеркивать ответственность студента за результаты учебы – это его выбор, его работа, его будущее. На каждое занятие должны ставиться локальные задачи, конкретные цели. Преподавателю необходимо после каждого занятия проводить свой внутренний «разбор полетов» – успешны ли сегодня его действия, всё ли, что наметил, он успел сделать, какие конкретные знания, умения и навыки сегодня приобрели сегодня его ученики. В чем причины его успехов и неудач. Кажется, наилучшим образом это можно делать в форме дневника, тогда возможен анализ своего опыта в подробностях за много лет, хотя для автора это остается недостижимой мечтой.

Вторая задача связана с формированием компетенций учащегося. Сегодня, когда принят

новый ФГОС и требуется готовить новые рабочие программы по предметам, и на преподавателей надвигается новый «девятый вал» бумажной бюрократической работы, многие из нас отрицательно относятся к понятию «компетенция» и той роли, которая отводится ему в рабочих программах. Но компетенция есть только расширение триады «знания – умения – навыки». Педагоги в практической деятельности не разделяют умения и навыки, тем более что в условиях постоянного дефицита учебного времени (в общеобразовательных дисциплинах) добиться навыка (то есть автоматизированного на уровне подсознательного процесса) в чем-либо, не относящемся напрямую к выбранной профессии, затруднительно. Четкое представление того, какие именно компетенции в какой последовательности и на каких предметах должны формироваться в ходе профессиональной подготовки представляется очень важным организующим и дисциплинирующим работу преподавателя моментом. Необходимо строить каждое занятие так, чтобы было понятно, какие, за счет чего и на каком уровне формируются компетенции.

Чем, как нам кажется, понятие компетенции шире и полезнее триады ЗУН в современных условиях. Оно пришло из англо-саксонской системы образования: *competence = knowledge + skills + attitude*. В этой триаде *skills* означают одновременно и умения и навыки, а *attitude* – отношение, ориентацию, поход, мироощущение в той предметной области, которая рассматривается. То есть подчеркивается роль человеческой коммуникации с человеком и миром, и как условие этого, подразумевается работа с информацией – ее поиск, оценка, обработка, хранение, использование, обмен. Этот момент в триаде ЗУН не был выделен, а потому часто игнорировался как второстепенный.

Обратим внимание и на то, что однокоренное слово *competition* переводится как соревнование, конкурс. И кажется, это не случайно. Соревновательности в англо-саксонской системе образования придают первостепенное значение. Сошлемся на знаменитые экзамены в Кембридже – математический трайпос. Ранжирование учащихся по успехам часто полезнее официальных отметок, тем более – в условиях немногочисленности последних в нашей образовательной системе. Так или иначе, неформальное ранжирование класса, группы преподавателем всегда присутствует, преподавателем выделяются отличники, успевающие, середняки. Это необходимо для организации процесса обучения, индивидуального похода к каждому ученику или к группам учеников.

И это тоже необходимый момент успешного обучения.

Третья задача решается выстраиванием взаимосвязей между лекциями и семинарами, между теоретическими и практическими занятиями – темы последующих занятий должны явно следовать из предыдущих и поэтапно вести к генеральной цели. Медиа-презентации должны быть в этом случае только наглядным пособием, подспорьем в выстраивании логики изучаемого процесса в совместном творчестве учащихся и преподавателя. Об этом писал и Э.В. Ильенков [2, с. 19]. На наш взгляд, преобладание медиа-средств в учебном процессе отстраняет учащегося от активного процесса думания, превращает его в пассивного потребителя картинок, формируя и усиливая т.н. «клиповое мышление», определяющими характеристиками которого являются неспособность к моментальному охвату целого, отсутствие среднего члена в логическом выводе, неразвитость интуиции. При этом развивается нежелание тщательного целостного «медленного» прочтения текста. Сегодня многие студенты, прочитав достаточно короткий специальный текст, не в состоянии воспроизвести даже его логическую структуру. Оказывается, они изначально воспринимают текст как картинки и поэтому при быстром чтении допускают слишком много смысловых лакун. Эта проблема решается только чтением, медленным, вдумчивым, целенаправленным. И этому также необходимо учить студентов.

Новые предметные факты, технологии сегодня устаревают быстрее, чем приходят в учебные аудитории. Поэтому главной идеей должно быть: «не учить, а учить учиться». При этом, конечно, должен быть определен достаточно узкий круг фундаментальных фактов, концепций, теорий, которые все учащиеся должны знать как азбуку предмета. Без этого невозможно построить фундаментальное образование как базис развития передовых, кажущихся фантастическими сегодня знаний и технологий. В то же время, ошибки студента на семинаре – индикатор его работы, позволяют увидеть, где и что он недопонял. Ошибки нужно разбирать, но нельзя их негативно оценивать и тем более высмеивать студента за допущенные ошибки – так поощряется активность и свободное творчество на семинарах. Более того, если ошибся преподаватель, необходимо сразу показать, где, и в чем причина его ошибки. Незнания первокурсников – это проблема не столько учащихся, сколько преподавателей – молодежь приходит за знаниями, приходит учиться – они по определению многого еще не знают. Очень

важно воспринимать это как их преимущество, ведь наши знания, то, что мы им даем сейчас – для них всего лишь стартовый импульс.

Важным условием решения поставленных задач является сама личность преподавателя. Умение связать различные остроактуальные проблемы с изучаемым теоретическим материалом обычно основывается на практической деятельности преподавателя вне школы – преподаватель в идеале должен быть практиком, кроме педагогической деятельности вести научную, исследовательскую работу или участвовать в серьезном бизнесе.

Одним из факторов успешной работы в аудитории мы считаем широкую культуру преподавателя, не важно, узкий он предметник или «философ». Сегодня в Европейском союзе широко обсуждается передовой педагогический опыт Финляндии, а именно, кросс-предметное преподавание [5], когда в классе находятся два-три предметника – преподаватель иностранного (английского) языка и, например, географ или историк, которые ведут одну общую тему с опорой на материал друг на друга. В творческих вузах нашей страны применяется метод, когда в аудитории практические занятия ведут по двое, а то и по трое преподавателей – один старший и ассистенты. Но в данном случае речь идет все-таки об индивидуальной работе с каждым студентом.

Сегодня в нашей образовательной системе кросс-предметный подход должен осуществлять каждый преподаватель. Это объективное требование, связанное с крайне низким уровнем базовой подготовки студентов. В области общеобразовательных дисциплин широкий спектр охватываемых тем, переход из преподаваемой предметной области в литературу, филологию и сравнительное языкознание, изобразительное искусство, кино, историю, математику или современную квантовую физику или космологию, примеры из личной практики или демонстрация того, как казалось бы абстрактные, оторванные от жизни понятия лекционного курса влияют на ежедневно принимаемые студентами решения или на уровень их жизни завораживают учащихся, делают преподавателя безусловным лидером в аудитории, позволяют вести занятия по собственному плану и усмотрению. Свободное мышление, не стиснутое только рамками учебного курса, яркая фраза, анекдот (в древнегреческом смысле), жест – то, что связано с этим, запоминается прочнее, усваивается

глубже, применяется активнее. Каждый из нас из собственного студенческого опыта помнит в первую очередь неформальное (конечно, строгое) в поведении преподавателя на лекциях и семинарах – и материал при этом укладывается в голову надолго. С благодарностью вспоминаю, как в мои студенческие годы приходил на семинар выдающийся советский экономист Станислав Сергеевич Шаталин в джинсах и неформальной черной водолазке под пиджаком (для Московского университета тех лет это был жест!), присаживался на край стола и начинал рассуждать с нами о методах оптимального функционирования социалистической экономики, или академик Тигран Сергеевич Хачатуров с его неформальными рассказами о Римском клубе (он был его единственным участником из СССР), – и экономика природопользования и экономические проблемы экологии до сих пор воспринимаются легко, хотя и изменились кардинально по сравнению с тем временем.

Литература

1. Гальперин, П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 45 с.
2. Ильенков, Э. В. Школа должна учить мыслить // Наука и жизнь. 1984. № 8. С. 14-20.
3. Каменский, Ян Амос. Великая дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему // Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. и авт. вв. статей чл.-корр. Акад. пед. наук СССР, проф. А.И. Пискунов. М.: Просвещение, 1971. С. 88-182.
4. Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975. 344 с.
5. Gardner, R. Finland schools: Subjects scrapped and replaced with «topics» as country reforms its education system // Independent. March 20, 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/finland-schools-subjects-are-out-and-topics-are-in-as-country-reforms-its-education-system-10123911.html>

[nland-schools-subjects-are-out-and-topics-are-in-as-country-reforms-its-education-system-10123911.html](http://www.independent.co.uk/news/world/europe/finland-schools-subjects-are-out-and-topics-are-in-as-country-reforms-its-education-system-10123911.html)

(дата обращения: 22.07.2016).

References

1. Galperin, P. Ya. *Methods of Learning and Mental Development of the Child*. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1985 (in Russ.).
2. Ilyenkov, E. V. School Should Teach Thinking (in Russ.). *Nauka i Zhizn*, No. 8 (1984). Pp. 14-20.
3. Comenius, Jan Amos. Great Didactics Containing Universal Theory to Teach all Around, in *Readings on the History of Foreign Pedagogy*. Pp. 88-182, comp. by A. I. Piskunov, Moscow: Prosveshchenie, 1971 (in Russ.).
4. Talyzina, N. F. *Management of Assimilation of Knowledge*, Moscow: Publishing House of Moscow University, 1975. (in Russ.)
5. Gardner, R. Finland Schools: Subjects Scrapped and Replaced with «Topics» as Country Reforms its Education System. *Independent*, March 20, 2015. [Online] URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/finland-schools-subjects-are-out-and-topics-are-in-as-country-reforms-its-education-system-10123911.html> (date of access: July 22, 2016).

ОБ АВТОРЕ:

Лауфер Константин Маркович, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова. Трубецкая ул., д. 8, стр. 2, Москва, 119991, Россия. Лауреат премии 2010 г. им. архитектора Алексея Гутнова за лучшие разработки в области градостроительства г. Москвы. E-mail: klaufer@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Konstantin M. Laufer, PhD in Philosophy, Associate Professor; Department of Economics and Management, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, 8-2 Trubetskaya st., Moscow, 119991, Russia. Winner of the Prize named after architect Alexei Gutnov for the best developments in the field of urban development in Moscow in 2010. E-mail: klaufer@yandex.ru

УДК 930.008

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-48-54

Пенская Т. М.

Н.Н. СТРАХОВ, Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ, Ф. НИЦШЕ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

Данное эссе представляет краткий анализ исторических взглядов русского философа Н.Н. Страхова. Эти взгляды составили целостную систему и нашли свое отражение в серии работ Н.Н. Страхова. Последние увидели свет в конце 60-х – 90-х гг. XIX в. и связаны были с дискуссией вокруг книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Анализ исторических взглядов Н.Н. Страхова осуществлен с привлечением некоторых идей немецкого философа Ф. Ницше.

Ключевые слова: Россия; философия; теория истории; Н.Я. Данилевский; Н.Н. Страхов; Ф. Ницше.

Penskaya T. M.

NIKOLAI STRAKHOV, NIKOLAI DANILEVSKY, FRIDRICH NIETZSCHE AND RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE OF SECOND HALF 19th CENTURY

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Abstract

The article presents a brief analysis of the historical views of the Russian philosopher Nikolai Strakhov. These views made an integrated system and were reflected in a series of N. Strakhov's articles and books. They saw the light at the end of the 60s-90s of the 19th century and were associated with the debate around N. Danilevsky's book "Russia and Europe". The analysis of historical views of N. Strakhov is carried out with the assistance of some ideas of German philosopher Friedrich Nietzsche.

Key words: Russia; philosophy; theory of history; Nikolai Danilevsky; Nikolai Strakhov; Friedrich Nietzsche.

Вторая половина XIX в. – время, когда российская историческая наука, выбравшись из пеленок, переживает подлинный расцвет. Она развивается и «вширь» (открывая для себя все новые и новые горизонты поиска), и «вглубь» (продолжая изучать более основательно старые, поднятые прежде темы). Полным ходом идет специализация исторического знания – на смену монументальным произведениям, таким, как, к примеру, знаменитая «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, приходят более «узкие» и по тематике, и по временному и территориальному охвату, работы; совершенствуется язык, который становится более строгим, научным, академичным – книги, написанные в карамзинском стиле, более не задают тон; активно публикуются первоисточники, как документальные, так и нарративные. И по мере накопления некоей критической массы исторического знания

возникает потребность в его осмыслении в философском и историософском смыслах, в формулировании ответа на старый вопрос, волновавший еще Нестора-летописца: «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть» [7, с. 7], или, выражаясь несколько иначе: «Кто мы и зачем пришли в этот мир?».

Собственно говоря, этот вопрос никогда не сходил с повестки дня среди мыслящей и читающей русской публики, однако именно в начале XIX в. он был поставлен со всей остротой, когда Россия ввязалась в общеевропейский конфликт, начало которому положила Великая Французская революция. Не секрет, что наполеоновские войны породили, помимо всего прочего, в европейской общественно-политической мысли мощное движение национализма (в его первоначальной, романтической окраске). Этот романтический

национализм, «вальтерскоттовщина», не мог не оказать серьезнейшего воздействия на русских интеллектуалов, ибо, как отмечал отечественный историк и филолог Б.А. Успенский «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем – на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживали принципиальное сходство; реформы эти, в сущности, аналогичны по характеру – меняется лишь культурный ориентир. В одном случае провозглашается принцип «ex Oriente lux», в другом – «ex Occidente lux», однако в обоих случаях ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем (выделено нами – Т.П.)...» [14, с. 5].

Естественно, что в процессе освоения, «трансплантации» новой культурной модели на русскую почву то, что начало прорастать, очень скоро приобрело ярко выраженный местный колорит и характер. Об этом можно вести речь, пожалуй, с того момента, как в русской интеллектуальной среде завязалась дискуссия между славянофилами и западниками, на которую наложилась доктрина «официальной народности», сформулированная и продвигаемая министром народного просвещения графом С.С. Уваровым¹.

Именно в это время в русском общественном мнении сложились три основных «направления» (или «пути») в изучении отечественной истории, эволюцию и историю которых можно с легкостью проследить вплоть до наших дней. Любопытную характеристику этим «путям» дал младший

современник Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского немецкий философ Ф. Ницше в своем небольшом философском (или историософском?) эссе «О пользе и вреде истории для жизни». Сочинение это, на наш взгляд, незаслуженно забыто историками, хотя весьма и весьма любопытно. Стоит процитировать несколько его важнейших наблюдений, которые имеют непосредственное отношение к истории нашей исторической науки в рассматриваемый период.

Итак, что же писал немецкий философ? «Нам нужна история, – писал он, – но мы нуждаемся в ней иначе, чем избалованный и праздный любитель в саду знания (камень в огород деятелей эпохи Просвещения? – Т.П.), с каким бы высокомерным пренебрежением последний ни смотрел на наши грубые и неизящные потребности и нужды. Это значит, что она нужна нам для жизни и деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности...» [5, с. 159].

Руководствуясь этим тезисом, Ницше выделил три, как он выразился, «рода» истории – «монументальный, антикварный и критический» [5, с. 168]. «История принадлежит прежде всего деятельному и мощному, тому, кто ведет великую борьбу, кто нуждается в образцах, учителях, утешителях и не может найти таковых между своими современниками и в настоящем ... то, что однажды помогло развернуть и наполнить еще более прекрасным содержанием понятие “человек”, то должно быть сохранено навеки, чтобы вечно выполнять это назначение. Что великие моменты в борьбе единиц образуют одну цепь, что эти моменты, соединяясь в одно целое, знаменуют подъем человечества на вершины развития в ходе тысячелетий ... – в этом именно и находит свое выражение основная мысль той веры в человечество, которая вызывает требование монументальной истории» [5, с. 168-169]. Ницше отмечал, что значимость монументальной истории заключается еще и в том (и это, пожалуй, самое важное в его характеристике), что, обращаясь к истории, мыслящий субъект «научается понимать, что то великое, которое некогда существовало, было, во всяком случае, хоть раз возможно, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз», почему «он (этот субъект – Т.П.) совершает свой путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществлении его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы...» [5, с. 170-171].

Иначе выглядит, по мнению Ницше, суть «антикварной» истории – такая история

¹ С.С. Уваров – личность весьма противоречивая и недооцененная ни современниками, ни тем более потомками. Между тем, американская исследовательница Цинтия Х. Виттекер в своей биографической работе о графе отмечала, что, в частности, «Уваров делал все возможное и необходимое для России своего времени. Он заложил основы будущего развития, так как сумел вырастить хорошо образованную и просвещенную элиту, – это была важнейшая предпосылка для всесторонней модернизации, начавшейся в следующее царствование...» [2, с. 109-110]. И, кстати говоря, Н.Н. Страхов, как и Н.Я. Данилевский, о которых и пойдет речь дальше, сформировались как ученые и как мыслители в рамках системы, созданной попечением и усилиями Уварова.

«принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть; этим благоговейным отношением он как бы погашает долг благодарности за самый факт своего существования...». И, как следствие, восклицает Ницше, «чем могла бы история лучше служить жизни, как не тем, что она привязывает даже и менее избалованные судьбою поколения и народности к их родине и родным обычаям, делает их более оседлыми и удерживает от стремления искать счастья на чужбине и бороться за него с другими...». При этом он отмечает, что у «антикварной» истории есть одно очень полезное свойство – консерватизм – который выступает в данном случае как «спасительное и в высшей степени полезное с точки зрения интереса общества неразумие, как это хорошо известно каждому, кто ясно представляет себе ужасные последствия страсти к переселениям, в особенности когда она овладевает целыми группами народов, или кто наблюдал вблизи состояние народа, потерявшего преданность своему прошлому и ставшего жертвой неутомимых космополитически поисков...» [5, с. 175].

И наконец, третий и последний «род» истории, «критический». Характеризуя его сущность, Ницше указывал, что «человек должен обладать и от времени ко времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше». «Этой цели достигает он тем, – продолжал свою мысль философ, – что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор», при этом, по мнению Ницше, «не справедливость здесь творит суд и не милость диктует приговор, но только жизнь как некая темная, влекущая, ненасытно и страстно сама себя ищущая сила. Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не происходят из чистого источника познания...» [5, с. 178].

Еще более интересен вывод, который сделал Ницше из всех этих рассуждений. «Каждый человек и каждый народ нуждается, – отмечал он, – смотря по его целям, силам и потребностям, в известном знакомстве с прошлым в форме то монументальной, то антикварной, то критической истории», при этом «знание прошлого во все времена признавалось желательным только в интересах будущего и настоящего, а не для ослабления современности, не для подрывания устоев жизнеспособной будущности» [5, с. 179].

Но вернемся от Ницше к российской исторической науке второй половины XIX в.

Вчитываясь в определения, что даны были немецким философом «родам» истории, нетрудно заметить, что труд С.М. Соловьева (как и предшествовавшее ему сочинение Н.М. Карамзина, во всяком случае, по произведенному общественному эффекту, а не по научной ценности) легко может быть отнесен к разряду «монументальных», тогда как сочинения «славянофилов» (те, которые могут быть с натяжкой отнесены к историческим) тяготеют к «антикварным», а большая часть работ «западников» скорее могут быть приписаны к «критическим». Но все они имели по преимуществу фактологический характер, не поднимаясь, как правило, до уровня высокой абстракции и не давая развернутого ответа на тот вопрос, что был поставлен нами в начале статьи. И вот в 1871 г. в свет вышла отдельным изданием книга Н.Я. Данилевского, «человека самостоятельно мыслящего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей», «Россия и Европа» (до этого опубликованная в виде серии статей в журнале «Заря») – книга, которая, по словам философа и критика Данилевского В.С. Соловьева, явилась неким связующим звеном между «идеями старых славянофилов и новейшим безыдейным национализмом» [1, с. 478, 486].

Не вдаваясь подробно с содержанием «России и Европы», отметим, что в своей книге Н.Я. Данилевский, который, как уже было сказано выше, сформировался как ученый и мыслитель внутри уваровской образовательной системы, попытался дать оригинальный ответ на основные вопросы исторического бытия применительно к России, руководствуясь тем самым принципом Ницше, о котором шла речь выше – использовать знание о прошлом в интересах будущего и настоящего. При этом Данилевский руководствовался, скорее, соображениями не историка-«антиквара», и уж тем более не «критика», но, скорее, «монументалиста». Руководствуясь тезисом о коренной несхожести России и Европы как разных культурно-исторических типов, Данилевский пришел к выводу, что Россия, «будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одной из великих европейских держав, Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе всей ее общности в целом. Вот выгода,

польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России» [3, с. 437].

Естественно, что такой подход не мог не вызвать бурного обсуждения, зачастую с негативным оттенком, особенно если учесть, что в 80-х гг., при Александре III, «доктрина» Данилевского хоть и не была официально поддержана властью, однако негласно исповедовалась и принималась за основу многими влиятельными лицами, например, начальником Главного штаба генералом Н.Н. Обручевым или русским послом в Константинополе А.И. Нелидовым [См.: 4, с. 182-183. С. 182-183; 6, с. 6, 7 и далее]. При господствующем в те времена в общественном мнении убеждении, что всё, что так или иначе связано с властью и ее политикой, должно восприниматься в негативном ключе, взгляды Данилевского, естественно, не могли не вызвать осуждения у целого ряда полагавших себя прогрессивными деятелей русской науки и культуры. И одним из немногих защитников и адвокатов Н.Я. Данилевского выступил Н.Н. Страхов (подчеркнем еще раз, что и он также получил образование в рамках уваровской школы), который сразу и бесповоротно встал на его сторону [13].

Н.Н. Страхов как человек своего времени, как философ, как мыслитель, конечно же, не мог остаться в стороне от обсуждения животрепещущих вопросов современности. И, само собой, не мог не откликнуться и на волновавшие тогда русское мыслящее общество исторические вопросы и проблемы. О его взглядах на историю и ее место в жизни общества отдельно взятого человека можно судить, к примеру, по гневной рецензии на критическую статью А.Н. Пыпина о Карамзине, вышедшей в 1870 г. [8].

Анализируя этот текст, нетрудно заметить, что осуждаемый Страховым Пыпин относится к тем самым «критическим» историкам (по классификации Ницше), которые из благих побуждений привлекают прошлое на суд истории и выносят ему, прошлому, свой нелюбимый и пристрастный приговор. «Странная и поистине горькая судьба! За какой бы предмет ни взялся г. Пыпин, какую бы книжку, самую редкую и многозначительную, даже насторожайше запрещенную, он ни стал рассматривать (желая сделать из нее журнальную статью), – пишет Н.Н. Страхов, – всегда повторяется одна и та же история». Какая, встает вопрос, и философ дает на него ответ: «Всегда сущность дела, истинный интерес и главный смысл книжки ускользает из рук, проходит сквозь пальцы г. Пыпина и

оставляет ему одну пустую шелуху, сор и грязь исторических случайностей, пыль и паутину веков. С презрением отряхает г. Пыпин эту дрянь со своих либеральных пальцев и хватается за новый предмет, за новую книжку; но увы! с ними повторяется то же, что было с прежними». И, подытоживая сказанное, Страхов с горечью констатировал, что «вот уже многие годы продолжается эта работа; весь в пыли и грязи сидит г. Пыпин и всё еще не отчаивается, всё еще думает, что дело делает. И будет он так думать и действовать до конца дней своих. И составит он себе из этой пыли и грязи пьедестал, на котором будет гордо красоваться» [8].

Сам же Страхов может быть позиционирован, с одной стороны, как «антиквар» (что особенно хорошо видно в первых строках его рецензии – оцените его слог, когда он вспоминает о своей юности: «О моя семинария! Когда-нибудь я напишу о тебе "особую поэму", разумеется в прозе, но – никогда я не помяну тебя лихом. Ты запечатлелась в моем воображении картиною светлую, идиллическою»), а с другой стороны – как типичный «монументалист» (оценка Страховым значения карамзинской «Истории»: «Бессмертное, непостижимое дело! Нужна была гениальная прозорливость, чтобы угадать важность и силу государственного характера нашей истории; нужен был ум, бесконечно ясный и чуткий, чтобы понять, что точка зрения нравственная и художественная, то есть вековечная точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные» [8]). Как «монументалист», Страхов подошел и к оценке главного труда Н.Я. Данилевского, его «России и Европы».

Этой оценке посвящен целый ряд статей Н.Н. Страхова и некоторые его отдельные работы, в особенности те из них, что были связаны с полемикой вокруг «России и Европы», вызванной критическими и порой весьма пристрастными замечаниями в адрес Данилевского со стороны известного русского философа В.С. Соловьева. В ходе дискуссии с Соловьевым на страницах печатных изданий исторические взгляды Страхова проявились как нельзя более ярко и отчетливо. Уже в 1869 г. он однозначно высказывается в пользу тезиса, высказанного Н.Я. Данилевским, что нет единой общечеловеческой культуры, но «всякая культура, по самой сущности дела, носит на себе известные ограничения, составляет частное, обособленное проявление человеческого развития, и потому

всегда принадлежала и будет принадлежать только некоторому племени, достигающему степени культурно-исторического типа, а никак не всему человечеству». При этом, соглашаясь с Данилевским, Страхов указывал, что «как всечеловеческая цивилизация, и по свидетельству истории и по философскому взгляду, которого держится г. Данилевский, есть дело недостижимое, невозможное», так и сама по себе история «не может состоять из ряда шагов, постепенно приближающихся к такой цивилизации», ибо она, «как и все в мире, *есть смена частных явлений, в которых вообще никогда не выражается во всей своей полноте*». Значит, приходит к выводу Страхов, «*всякая культура есть частная*», и тогда «общечеловеческое или, правильнее, всечеловеческое *не может существовать в виде некоторой действительной культуры, а существует только в идее, как общая задача человечества, которую оно осуществляет* всей своей исторической жизнью, т. е. *разновременно и разноместно* (выделено нами – Т.П.)...» [13].

Этот тезис Н.Н. Страхов считает самым главным в теории Данилевского по той простой причине, что, приняв такой взгляд, взглянув на историю под таким углом зрения, можно выбраться, наконец, «из того лабиринта противоречий, в котором нас держат обыкновенные понятия об истории». В целом, еще в самом начале похода в защиту взглядов Данилевского, Страхов полагал, что его «Россия и Европа» относится к тем самым работам, которые «совмещают в себе и завершают собою целые периоды в развитии науки, литературы, изображают собою смысл целого направления духовной деятельности», подобно тому как это сделали Пушкин, Карамзин, Дарвин или Гегель. И осторожно предполагая, что «мы не возьмемся сейчас сказать, в какой мере эта книга завершает и совмещает в себе славянофильские учения – это другой вопрос», Страхов, тем не менее, не сомневался в том, что «она имеет такое завершающее и представительное значение», поскольку «быть может, со временем Н. Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» (и это при том, что, как показывает Н.Н. Страхов, сам Данилевский, в отличие от славянофилов, «не держится германской философии, не стоит к ней даже и в тех очень свободных отношениях, в которых стоят славянофилы. Следовательно, в известном смысле, он самостоятельнее» [12]). И, что важнее всего (и тут Н.Н. Страхов оказался совершенно

прав), «если имя Хомякова никогда не забудется в истории русской мысли, то может быть то, что сказал Данилевский, будет более памятно, сильнее и яснее отразится в умах» [12]. Согласитесь, что здесь Страхов действительно оказался пророком – значение единственной работы Данилевского, посвященной проблемам исторического развития, оказалось более значимым, нежели множество статей и прочих сочинений, что были написаны славянофилами за всё время существования этого идейного течения! Отраднее ощущать, что именно Н.Н. Страхов был одним из первых, кто действительно понял и прочувствовал всю значимость и важность идей Н.Я. Данилевского, которые приобрели особое звучание именно сегодня, в эпоху глобализации и унификации и обеднения, примитивизации национальных культур под давлением «культурного катка» западной (читай – американской) массовой культуры (и в этом плане оппонент Н.Н. Страхов и страстный критик Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьев, выступает своего рода апологетом грядущей глобализации, рассматривая ее, правда, несколько иначе, чем она видится сегодня).

Более того, разработанная Данилевским теория культурно-исторических типов (Н.Н. Страхов подчеркивает: предположения, что Данилевский позаимствовал свою идею из сочинений немецкого историка Г. Рюккерта, не имеют под собой основания, Данилевский в своих построениях вполне оригинален и самостоятелен, хотя некоторое идейное сходство между Рюккертом и Данилевским можно разыскать при определенных усилиях [11, с. 480, 482, 483, 484-485, 486-487 и далее]) тем ценнее, по мнению Страхова, что «только следуя теории культурно-исторических типов, мы не отрицаем, а напротив, признаем в надлежащей степени важность результатов, добытых историей человечества. Именно потому, что человечество осуществляет свою идею разновременно и разноместно, что ни одна из частных культур не составляет полного выражения этой идеи, – исторические явления получают характер незаменимых образцов, и история сохраняет для нас свой великий интерес, какой бы прогресс у нас ни совершался» [13].

И еще одно важное замечание, сделанное Н.Н. Страховым в начале дискуссии вокруг концепции Данилевского. Отвечая критикам, которые доказывали эпитонство Данилевского по отношению к славянофилам, высказывавшим де идеи, очерченные им в своей работе, много раньше, Страхов указывал, что «дело не в том, что выводы статьи "Россия и Европа" более или менее совпадают с взглядами славянофилов;

важно то, что эти выводы опираются на новые общие начала, следовательно, озаряются новым светом, выдерживают новую поверку, связываются воедино новой связью», но в том, что «не говоря о новизне и оригинальности частных замечаний и выводов, мы имеем право смотреть на эту статью, взятую в целом, как на важный шаг вперед в той области предметов, которой она посвящена», поскольку она «касается вопросов, уже давно и глубоко интересующих каждого истинно-русского человека, и содержит новую, более точную формулировку этих вопросов и их решения» [13].

Однако не только в процессе обсуждения «России и Европы» высказаны были Н.Н. Страховым любопытные наблюдения и замечания, позволяющие составить мнение о его взглядах на историю, и в особенности, на методологию истории как науки. Так, анализируя творчество видного французского историка и мыслителя И. Тэна, он указывал, что при изучении истории не обойтись без методологии. Как бы с удивлением Страхов отмечал, что «Тэн как будто хотел приступить к делу (изучению истории Франции – *Т.П.*) с пустыми руками, не имея никаких мнений, и составить себе мнения эмпирически, посредством тщательного изучения фактов», поскольку, по убеждению Страхова (и в этом мы с ним согласны), «в действительности такие приемы в изучении истории вовсе невозможны». И связано это не в последнюю очередь с тем, что «приступая к истории, мы непременно приносим с собою известные понятия, и чем эти понятия шире, гибче, выше, чище, тем лучше и успешнее идет дело; чем они уже, грубее, низменнее, тем хуже выходит дело» [9], а значит, без четко отработанной методологии изучать историю нельзя. Кстати, возможно, именно с этим связана та пылкость, с которой Н.Н. Страхов выступил в защиту концепции Н.Я. Данилевского, ибо в ней он увидел тот ключ, повернув который, можно было открыть дверь к истинному пониманию сути истории и ее процесса.

И завершим наше небольшое эссе фразой Н.Н. Страхова, которая отражает, на наш взгляд, одну из важнейших причин кризиса, который поразил нашу современную историческую науку и которую неплохо бы помнить всем историкам, в особенности начинающим. Вот она: «Кто никогда в юности не испытывал твердого умственного убеждения, для того строгое научное познание никогда не открывалось в полной своей силе и прелести, ... для того ум и мышление навсегда

останутся не серьезным делом души, а лишь какою-то забавою» [10].

Литература

1. Византизм и славянство. Великий спор. Хрестоматия; ред. Е.Н. Басова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 736 с.
2. Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 350 с.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. М., 1888. 591 с.
4. Нелидов, А.И. Записка А.И. Нелидова о занятии Проливов // Красный архив. 1931. № 3 (46). С. 179-187.
5. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. Т. 1. М. Мысль, 1990. С. 158-230.
6. Обручев, Н.Н. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению // Источник. Документы русской истории. 1994. № 6. С. 4-21.
7. Повесть Временных лет. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
8. Страхов, Н.Н. (Н. Косица). Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари» // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
9. Страхов, Н.Н. Заметки о Тэне // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
10. Страхов, Н.Н. Историки без принципов (Заметки об Ренане и Тэне) // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1886_istoriki_bez_print_zipov_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
11. Страхов, Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 489-512.
12. Страхов, Н.Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому Н. Я. Данилевского // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
13. Страхов, Н.Н. «Русский Вестник» о статье «Россия и Европа» // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
14. Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

References

1. *Byzantium and the Slavs. The Great Debate*. Ed. E.N. Basova. Moscow: Eksmo-Press, 2001. 736 p. (in Russ.)
2. Whittaker, C. H. *Count Sergey Uvarov and His Time. [The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786-1855]*. St.Petersburg: Humanitarian agency "Akademicheskii proekt", 1999. 350 p. (in Russ.)
3. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow, 1888. 591 p. (in Russ.)
4. Nelidov, A. I. A.I. Nelidov's Note on the Straits Occupation (in Russ.) // *Krasny arkhiv*. No. 3 (46) (1931). Pp. 179-187.
5. Nietzsche, F. On the Use and Abuse of History for Life *Works*. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1990. Pp. 158-230. (in Russ.)
6. Obruchev, N. N. The Main Historical Issues in Russia and Our Willingness to Address them (in Russ.) *Istochnik. Dokumenty russkoy istorii. [Source. Documents of Russian history]* No. 6. 1994. Pp. 4-21.
7. The Tale of Bygone Years. St.Petersburg: Nauka, 1999. 668 p. (in Russ.)
8. Strakhov, N. N. A Sigh at Karamzin's Tomb (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0030.shtml (date of access: May 23, 2016)
9. Strakhov, N. N. Notes on Hippolyte Taine (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
10. Strakhov, N. N. Historians without Principles (Notes on Ernest Renan and Hippolyte Taine) (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1886_istoriki_bez_print_zipov_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
11. Strakhov, N. N. Historical Standpoints of H. Ruckert and N. Danilevsky (in Russ.) *The Struggle with the West*. Moscow: Publisher Institute of Russian civilization, 2010. Pp. 489-512.
12. Strakhov, N. N. Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World in the German-Romanesque by N.Ya. Danilevsky (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
13. Strakhov, N. N. "Russky Vestnik" about the Article "Russia and Europe" (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
14. Uspensky, B. A. *The King and the Patriarch: The Charisma of Power in Russia (The Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation)*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1998. 680 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTOR:

Tatiana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru